

ЛитРес:

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО

БАЛТИЙСКИЙ РЕЙД

Сотник из будущего

Андрей Булычев

**Сотник из будущего.
Балтийский рейд**

«Автор»

2020

Булычев А.

Сотник из будущего. Балтийский рейд / А. Булычев — «Автор»,
2020 — (Сотник из будущего)

ISBN 978-5-532-17840-3

На Балтике идёт ожесточённая война между владычицей северных морей Данией и союзницей Великого Новгорода Ганзой. Боевые действия развернулись как на море, так и на суше. Две огромные, по меркам средневековья, армии: короля Дании Вальдемара II "Победоносного" и союза северо-немецких земель с вольными городами Ганзы готовы сойтись в решающей битве. Остаться в стороне у русского Новгорода уже не получится. Нужно принять участие в этой войне. Перед сформированной Андреевской бригадой поставлена задача – совершить дерзкий рейд по Балтике и, прорвавшись с боями, встать в общий строй со своими союзниками. Умереть или победить, покрыв себя славой! Так уж повелось издревле, что свой союзнический долг Русь платит кровью!

ISBN 978-5-532-17840-3

© Булычев А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть первая. Прорыв на Балтику	5
Глава 1. XIII век	5
Глава 2. В поместье	6
Глава 3. Высокая встреча	9
Глава 4. Гарольд Волосатый	19
Глава 5. Заботы короля Швеции	25
Глава 6. На Оломне	28
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Часть первая. Прорыв на Балтику

Глава 1. XIII век

Шла вторая четверть тринадцатого века. Время яростное и динамичное.

Западная Европа рождала один за другим крестовые походы, заливая восток кровью. Боролась у себя с ересями, безжалостно вырезая или выжигая при этом подчас целые области, как это было с теми же катарами на юге Франции. Тут же не прекращались многочисленные династические войны. Шла ожесточённая борьба за сферы влияния, а так же за господство над сопредельными территориями.

Великий Чингисхан (Тэмуджин), железной рукой объединивший разрозненные монгольские и тюркские племена и лично организовавший завоевательные походы в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и в Восточную Европу, основал самую крупную в истории человечества континентальную империю. Им и его прямыми потомками от первой жены Бортэ, так называемыми чингизидами были сметены с лица земли великие и древние государства: Тангутское царство, государство Хорезмшахов, Китайская империя Цзинь, Багдадский халифат и многие другие. Громадные территории были поставлены под управление степного закона «Ясы», и уже готовились к походу далеко на запад непобедимые монгольские тумены.

В Восточной Европе Римскими Папами Целестином – III и Гонорием – III были объявлены крестовые походы, целью которых было насильственное распространение христианства в его западном варианте, а при его неприятии оправдывалось и само истребление местного непокорного населения.

На захваченных прибалтийских землях крестоносцам удалось создать Тевтонский орден, ставший фактически военизированным государством. Целью его стала постоянная агрессивная экспансия на северные и восточные сопредельные с ним земли.

Под ударом рыцарей были местные прибалтийские племена, западные русские земли и активно формирующееся Великое княжество Литовское.

На Балтике, грозя вот-вот перейти в ожесточённую войну, усиливалось противостояние между Ганзой – крупным союзом свободных торговых городов и морской владычицей Данией, ещё со времён викингов привыкшей к безраздельному контролю всего, что происходило на берегах Восточного (Балтийского) моря.

Швеция, укрепив центральную власть, начала активно колонизировать территории к востоку от Ботнического залива, заселённую финскими племенами Сумь, Емь и Карела.

Средневековая же Русь находилась в сжимающемся кольце усиливающихся и мотивированных на войну соседей. Разделённая на множество княжеств и ослабленная постоянными междоусобицами и раздорами, она только что понесла тяжелейшие потери от монголов в битве при Калке, практически полностью лишившись своего профессионального воинского ядра – княжеских дружин. И времени на то, чтобы собраться воедино и восстановиться, у неё уже не было.

Как это не раз уже бывало, да и ещё будет в истории, вновь вставал вопрос: «Быть ли Руси вообще, и сможет ли она отстоять свою веру и независимость в этот кровавый и жестокий век. Или же падёт под пятой очередного завоевателя и исчезнет так же, как и множество других народов исчезало в истории времён прежде.»

Глава 2. В поместье

– Вставай, лежебока! Хватит дрыхнуть уже! – выдернул из сладкого сна Митяя батин голос.

Как же не хотелось вставать в свой единственный и такой долгожданный выходной, лежа на мягком матрасе-сеннике родной избы. Но натренированное тело уже само вытолкнуло его из постели, двадцать секунд, и обутый, да одетый по пояс паренёк стоял перед крыльцом, умываясь и обтираясь обжигающей ключевой водой.

– Пробежимся легонько, пока солнышко не встало? – подмигнул сыну Сотник и подал рушник.

– Легонько? – усмехнулся Митяй и поправил короткий меч на оружном, поясном ремне.

«Легонько» в батином исполнении запросто могло быть и пятнадцатью, а то и двадцатью вёрстами в самом что ни на есть его жёстком потогонном темпе. И это ещё хорошо, если без ускорений да всяких там упражнений на силу или выносливость.

– Не-не... для удовольствия, спокойненько так, с наслажденьцем, – улыбнулся в ответ Андрей. – У тебя же как-никак каникулы начались! – и лукаво подмигнул.

Воротный пост миновали быстро. Дежурный наряд издали опознал командира с сыном и выпустил их из крепости без проволочек. Вот под ногами прогрехотали доски перекидного через ров мостика, и кожаные подошвы полусапожек затопали по плотно набитой дороге предместья.

За прошедшие два года Андреевское было уже не узнать. Отстроилась усадьба. В центре её, семиметровыми стенами с башенками и боевыми навесами высилась деревянная крепость, за стенами которой в двухэтажных казармах располагались боевые подразделения бригады, ратная школа отроков, столовая, штаб, госпиталь, склады и прочие-прочие многочисленные постройки, по большей своей части, сугубо воинской принадлежности. Всё же хозяйственное и производственное теперь располагалось уже за крепостными стенами в так называемой Андреевской слободе, по одной из улиц которой как раз и пробегали наши «физкультурники».

После жилых изб с огородами, уже ближе к обширному выгону, стояли прядильные и ткацкие цеха, оружейно-слесарный и воскобойный заводики, кожевенные мастерские сапожников, шорников, седельников и прочих родственных производств по изготовлению кожаной основы для брони, щитов, колчанов, ножен и прочей воинской ременной амуниции.

В самом конце слободки, в низинах, прятались дымные производства выплавки и ковки металла с их шахтными печами, доменками да кузнечными горнами, а также стояли гончарные и кирпично-керамические печи для обжига глиняных изделий.

Ну и уже совсем на отшибе, на самых что ни на есть выселках, находились мастерские кожемяк, где в огромных деревянных чанах с известью шкуры животных очищались от волокон и шерсти, а уже следующей стадией производства было их дубление да размягчение специальными растворами. Что за вонь стояла вокруг всего этого, представить себе было несложно.

Мимо как раз такой мастерской Сотник с Митей и пронеслись с максимально возможным ускорением, наконец-то выскочив на простор обширного выпаса. Скотину хозяйки ещё не успели выгнать, и на огромной поляне вокруг усадьбы было пока мирно и тихо.

Небо с востока подкрашивалось в ярко розовый цвет, обещая уже через час согнать всю эту предрассветную дремоту, заливая всё вокруг щедрым солнечным светом. Пока же утренняя прохлада приятно холодила разогревающиеся при беге тела, и в тренированные лёгкие с глубокими вдохами вливался настоящий на полевом разнотравье чистейший и целебный воздух Русского Валдая.

Дальше дорога запетляла вдоль речки по лесным перелескам, то и дело, выскакивая к росчищам из стоящих на них крестьянских хуторков с распаханными и окультуренными полянками вокруг.

Кое-где за заборами из жердей у изб и хозяйских построек уже мелькали фигурки их хозяев. Весной да ранним летом у селянина сон короткий, что носок у воробья. Ему требовалось успеть вовремя, положить семена во влажную и прогретую землю. Тут ведь как, если чуть зазеваешься или же, наоборот, поспешишь, то и не видать тогда урожая осенью. Вот и выходили в посевную всей семьёй от мала до велика, не желая потерять ни часа понапрасну. Блага семенами и инвентарём поселенцы в усадьбе были обеспечены уже в достатке. Знай себе, мил человек, трудись – не ленись.

Сделав полукруг, отец с сыном, обогнув по большой дуге усадьбу, выбежали на свежую вырубку. Зимой тут под приглядом главного плотника поместья Луки Тесло шла заготовка деловой древесины. Сейчас же собранные в огромные штабеля брёвна проходили свою естественную сушку, чтобы уже следующей зимой быть оттащенными на специальных санях-волокушах к нужной стройке и стать частью крепостной стены, к примеру, или той же крестьянской избой пятистенком, да хотя бы даже и хлевом для поместной скотины.

Рядом с вырубками как обычно соседствовали сопутствующие лесные промысла, использовавшие в своём производстве многочисленные отходы от валки леса: вершины, сучья, пни, ветки и корневища.

Была и на этой своя смолокурня, занимающаяся выгонкой смолы, скипидара да дёгтя, плюс заготовкой древесного угля для кузниц в специально подготовленных для этого углежогных ямах.

Сейчас, в это воскресное утро, тут было тихо, и, миновав открытое место, Сотник с Митяем уже было скрылись в лесу, как вдруг на узкой лесной тропке перед ними неожиданно материализовалась серо-зелёная и бесформенная человеческая фигура в длинной маскировочной накидке. Обе руки стоявшего были свободны и приподняты вверх, показывая, что в них нет никакого оружия, и его можно не опасаться.

Ну, конечно. А по бокам тропы замершую фигуру страховали-то, как минимум, двое «лешаков», вооружённых как положено, и уже готовых к бою. И это только те, кого удалось разглядеть намётанным взглядом профессионала.

– Господин майор, разрешите доложить!?! – послышался глухой голос из-под лицевой, из конского волоса, сетки маскировочного балахона.

– Докладывай! – спокойно ответил Андрей, останавливаясь в трёх шагах от старшего лесного дозора.

– Получен сигнал из штаба «для комбрига новости, просьба срочно прибыть в усадьбу!». Докладывает командир дозора, звеньевой, капрал Лютень!

– Принял, капрал! Благодарю! Продолжайте нести службу, – кивнул Сотник и, уже проскакивая мимо «лешака», чуть замедлился и шепнул, – В целом, неплохо, только вот заднего левофлангового подтяни. Засвечивается уж больно, когда из самострела выцеливает.

И пара снова понеслась по лесной тропе, держа направление к усадьбе. Митяй кинул взгляд назад, но, ни фигуры, ни малейшего намёка на то, что тут только что было боевое дозорное подразделение, уже не было. «Лешие» растворились в чаще без следа.

– Небось, старшой думает, выбирает теперь, на какой из муравейников своего «засвеченного» стрелка посадить, – усмехнулся про себя мальчишка и прибавил хода. Темп бега был теперь взвинчен до максимума, ведь в усадьбе их ждали.

Возвращались уже с другой стороны, пробегая мимо опытного огорода, где под особым неусыпным контролем и тщательным уходом, росли принесённые в это время культуры «из другого времени»: картофель, огурцы, томаты и подсолнечник, кукуруза, жгучий кайенский перец и ещё некоторые злаковые культуры.

В слободе уже проснулись.

Самыми первыми, как обычно, вставали бабы. Им и коров да коз подоить, затем отогнать всю скотину на общий выпас, где дальше уже было дело пастуха смотреть за ней, чтобы она не разбрелась, а целенаправленно бы подстригала зелёный ковёр разнотравья. Ну, или объедала тот же густой кустарник у лесных опушек. Хозяйкам же следовало не забыть вовремя приготовить снедь на всю семью да переделать ещё уйму всяких важных и нужных дел.

Сильная половина человечества вставала, позёвывая, попозже. Умываясь да почесываясь, готовясь вкусить всё то, что им тут уже приготовили, глубокомысленно обдумывала она свои грандиозные планы на предстоящий трудовой день, споро работая при этом ложкою в горшке. Затем мужики шли трудиться, кто в поле, а кто-то, если он ремесленный и мастеровой умелец, в свои цеха или артели. Ну а на женщинах, собственно, оставался весь дом со всей его детворой, огородами, и всем большим и хлопотным семейным хозяйством. Помощниками во всей этой круговерти непрерывного труда были, конечно, дети, которые в это время очень рано выросли и взваливали на свои худенькие плечи немалую часть семейной работы.

Сегодня был Воскресный день, выходной, и семьям можно было поспать чуть-чуть побольше, а потом, чинно вышагивая по улице во всём чистом, идти на воскресную литургию в поместную церковь. Совсем скоро малиновый, утренний колокольный перезвон оповестит всех о начале службы и пригласит православный люд в храм Святого Георгия, где местный батюшка, отец Кирилл, вместе с прихожанами восславит в своих искренних молитвах Небесного Отца.

Глава 3. Высокая встреча

Быстро миновав слободку, Сотник с сыном подбежали к воротному посту, где их уже ждал вестовой из штаба.

– Господин майор, весь штаб в сборе! Получена вест от гонца с дальнего Селигерского дозора! В нашу сторону идут около трёх сотен гриди, о дву-конь, при знамёнах князей Ярослава Новгородского и Мстислава Торопецкого. Ждать подхода к усадьбе их можно через три-четыре часа. Докладывает вестовой штаба, курсант-уч. капрал воинской школы Пётр! – и, опустив правую руку от берета, парнишка сделал шаг в сторону, освобождая проход.

– Вольно, капрал, свободен! – и Сотник направился визбу, чтобы привести себя в порядок и затем спешно прибыть в штаб.

А ребята в это время, обнявшись, присели на скамеечку с внутренней стороны поста крепостных ворот и оживлённо беседовали. Мальчишки дружили ещё с курсов молодого бойца, с того самого памятного дня, когда за глупую драку с Лёнкой их обоих с Петром чуть было не выперли из Андреевского. И не последнюю роль в том, что они всё-таки остались, сыграло личное поручительство георгиевских кавалеров и сверстников Митяя с Мараткой.

Два года прошло уже с тех пор и столько воды утекло за это время. Оба они были уже курсантами третьего курса воинской школы, и каждый теперь сам командовал своим учебным подразделением. Митяй тянул лямку помощника командира 1 учебного взвода, Петька же был командиром учебного десятка во втором взводе его друга Маратки.

– Так и не решил к себе ехать, Петь? – сочувственно глядя на товарища, спросил Митяй.

– Да нет. Ну что я на родное пепелище-то смотреть буду? Всех своих похоронил достойно ещё на прошлых летних каникулах. Братишка с сестрёнкой совсем малые у нас тут, в поместье рядышком, на хуторе тётки Прасковьи. Нет уж, я лучше здесь пригожусь. Вон вестовым при штабе быть на время отпуска доверили.

– Тоже та ещё служба, Митяй, я тебе скажу! – и мальчишка сокрушонно покачал головой. За дежурные сутки порою так набегаешься, что потом спишь без задних ног, как убитый. Да у нас вон посчитай, половина ребят никуда не поехали, что уж там, в основном ведь в школе сироты учатся, и я вот, выходит, теперь им стал...

– Да брось ты, Петь, ну ты что говоришь, какой ты сирота-то? У тебя вон мы есть. Сто братьев по школе будет, считай. А тётка Прасковья тебя так вообще как за родного сына почитает. Не на радуется вон, что вы все с ней породнились. Ты для неё за первака теперь, помощник самый главный. Каково ей без дядьки Назара – то дальше жить? Уже и сама старенькая, твоих младших вон приветила, молодец, нянчится, а тут и ты ей самый помощник. Да и ей самой есть для чего теперь жить!

– Ну, это-то да, всё верно, родное всё тут. Ещё бы с вражиной той посчитаться, что моё селище на Ладогe спалил да всех его жителей посёк без жалости. Вообще тогда было бы хорошо, Мить. По всему выходит, что емь свой набег делала, да и два шведских дракара по Ладогe в то же самое время рыскали. Это явно они неспроста там рядышком крутились. Ладно, и вправду, в своё время всем им наши слёзы да кровушка отольётся. Встретимся ещё! – и Петька до боли сжал рукоятку своего меча, – Ладно, Митяй, спасибо тебе. Побежал ка я к штабу! Сейчас, небось, ещё поручений целыми горстями насыпят. Не зря вон все командиры спешно собираются, – и, вскочив со скамейки, Петька затрусил в сторону главного двухэтажного здания поместья.

За большим столом уже собрался весь высший совет бригады. И с приходом Сотника посыпались доклады. По всему выходило, что дальний дозор отследил перемещение большого воинского отряда ещё задолго до начала земель поместья. Где-то возле озера Селигер, под стя-

гами князей Ярослава и Давыда, шло сейчас более трёх сотен отборной конной гриди – дружинников, составляющих личную охрану высших лиц Руси, прекрасно вооружённых и экипированных.

Врага с этой стороны Андреевское не ждало, но, как и положено, в это беспокойное время, было оно всегда на стороже и сохраняло здоровую боевую подозрительность. Поэтому был отдан закономерный приказ: «В поместье объявить тревогу и подготовить все наличные силы к бою! Всё гражданское население срочно укрыть в лесных схронах. Материальные средства в крепость пока не прятать, а ждать дальнейшего развития событий».

Более половины личного состава бригады в связи с массовыми летними отпусками находились в это время в отлучке. Поэтому ударный кулак набирался небольшой, что-то где-то около трёх с половиной сотен конницы. Крепостная полусотня занимала свои места на стенах, а степная полусотня со взводом разведчиков Варуна, спешно оседлав коней, уже вылетела навстречу неожиданным гостям.

«Выяснить и установить, кто и с чем к нам сюда такой сильный да незванный едет. Поулыбаться и проявить вежливость, если добрый друг. Осыпать стрелами и арбалетными болтами, задержать, сколько можно, если это коварный враг!» – такова была задача у передового заслона.

Поместье изготвилось к бою.

– Я же говорил тебе, Давыд, нас тут уже давно ждут. Вон, поди, от самого Селигера «не отсвечивая», ведут дозорные Андрея Ивановича. Небось, ещё пара-тройка часов и глядишь, сюда передовая сотня подскочит, чтобы тут нас перенять, да в полон взять! – и Ярослав раскатисто засмеялся, представив, какая суета сейчас стоит в усадьбе у его друга Сотника.

Князь был озорной, и посылать вперёд себя вестовых с предупреждением о своём высочайшем посещении сих отдаленных мест не захотел. Как сказали бы семь-восемь столетий спустя: «Пусть для всех, наш приезд будет сюрпризом»!

Под Желбницами на броде через реку Полометь на встречу, из береговых кустов вдруг выехал знакомый по былым сражениям заместитель Сотника по разведке дядька Варун и, пристав в стремянах, громогласно закричал.

– Здравы будьте, славные витязи, князья русские Ярослав Всеволодович и Давыд Мстиславович! Поместный боярин Батюшки Великого Новгорода, командир Андреевской бригады Андрей Иванович, велел мне недостойному передать Вам, Ваши Сиятельства, что уж больно шибко заждался он таких высоких гостей у себя, и всё-то у него готово давно к самому что ни на есть высокому приёму доблестных князей!

– К высокому приёму, как же... – усмехнулся Давыд, покашливая, – Вон нас как из кустов чуть ли не целая сотня самострелов встречает и гостеприимно так выцеливает. Да, небось, уже пара сотен ваших лешаков с самострелами по окрестным кустам нас тут ползком обкладывает. А то я не помню, как вы литвин в моём княжестве с коней ловко ссаживали! – и снова резко закашлялся.

Вид у Давыда Мстиславовича, в отличии от крепкого Ярослава, право слово был «не очень». Сказывалось тяжёлое ранение, полученное в битве с литвинской ратью позапрошлой зимой на Усвятском льду. Тогда копьё шляхтича пробило все защитные доспехи князя и, словно расколов рёбра, вошло ему в лёгкое. Буквально чудом Сотнику удалось вырвать с того света Давыда, ибо с такими ранениями в этом времени попросту не выживали. Но полностью восстановить здоровье раненого не получилось, о чём и говорил его сероватый цвет лица, видимая слабость, да непрестанное покашливание Торопецкого князя.

– Ну что, Фотич, так и будем у брода стоять, или тебе время велели потянуть, да полюбезничать с нами подольше? – подмигнул командиру Андреевской разведки Ярослав.

Варун усмехнулся и громко свистнул. Из всех прибрежных кустов и деревьев, как горох, посыпались бойцы передового заслона, закидывая на бегу за спину луки и самострелы и заска-

кивая на лету на коней, выведенных из густых зарослей. Лица некоторых бойцов князьям были знакомы. Вот сотник степной сотни берендей Азат со своими сыновьями, взводным Ринатом и курсантом воинской школы Мараткой. Вот заместитель степного сотника Мугатар и разведчики Севастьян с Родионом. Знакомых лиц тут было много и, выстраиваясь в общую походную колонну, со всех сторон теперь слышались приветственные крики, шутки да подколки с громким смехом. Встретились боевые товарищи, не раз прикрывающие друг другу спину в бою и изрядно уже пролившие свою и чужую кровь на одном ратном поле.

Через три часа марша показался небольшой острожек с пристанью возле устья Ямницы, что впадает в полноводную Полометь, а там уже и до самой усадьбы было недалече.

На большой поляне перед въездом в Андреевское стояли в парадных расчётах три сводные сотни бригады и ратной воинской детской школы.

Развевались на ветру стяги, высилась боевая красная хоругвь с Нерукотворным Спасом на образе. Все воины в строю были в начищенных до блеска доспехах. При парадном облачении и при оружии. После командиров и знамённой группы стоял бригадный оркестр, которым командовал Ладислав, ветеран, потерявший руку в сражении на Усвятах, но главное – не потерявший самого себя, и нашедший теперь своё место в строю, рядом с ратной сталью и музыкой.

– Бригада, равняйся! Смирно-о-о! Равнение на середину!

И к голове походной колонны от замершего строя направился с торжественным и серьёзным лицом командир бригады Андрей Иванович Сотников. «Сотник», как звали его многие по давней привычке.

Не доходя трёх шагов до князей, комбриг резко вскинул правую руку к своему зелёному берету и доложил перед высшей воинской властью Новгорода:

– Светлый князь Ярослав Всеволодович, бригада из сводных сотен Андреевского поместья для торжественной встречи построена!

Князь Ярослав спрыгнул с коня, бросив поводья порученцу, и крепко перед всем строем, по-братски, обнял Сотника.

– Князь, окажи честь, поприветствуй бригаду и обойди строй. Ждут воины, – тихо проговорил Андрей, кивнув в сторону замершего строя.

Ярослав мгновенно всё понял и вышел на середину:

– Здравствуйте, Андреевцы, славные русские воины-витязи!

Сотни еле заметно шевельнулись и мощно, дружно рявкнули: «Здравия желаем. Ваша Светлость!»

– О как! – удовлетворённо крякнул князь, – Благодарю Вас за славную ратную службу Отчизне!

– Ура! Ура! Ура-а-а!!! – разнеслось окрест.

И по особому знаку Сотника, бригадный оркестр неожиданно для прибывших, заиграл бравурный военный марш. Ярослав вышагивал вдоль замершего и стоявшего «на вытяжку» строя и вглядывался в справных воинов. Вглядывался и находил среди них многих, с кем довелось ему прошлой зимой, стоя плечом к плечу, заслонить дорогу вглубь Руси для многочисленного врага. А затем встать с ними насмерть в битве на Усвятском льду преградив откатывающим литвинам путь назад, и разгромить там их на голову, покрыв себя вечной славой в веках.

Знал Ярослав, что означают красные и золотые полоски на груди у многих стоящих тут воинов – знаки ранений и тяжких увечий. И что значат эти серебряные крестики (ордена), да блестящие кругляши на цветных ленточках (медали) – как высшая форма награждения за проявление отваги и доблести воина. Знал и гордился, понимая, что пусть хоть как самостоятельная боевая единица, а всё же эта бригада есть одно целое со всем русским воинством. И не посрамит она его славу, но только лишь преумножит, если придётся.

И стоя уже в свите вместе с князем Давыдом наблюдал, как с лихим посвистом проходят мимо них, сборные сотни, втягиваясь головными в дубовые крепостные ворота, и поют задорную солдатскую песню:

*«Солдатушки, бравы ребятушки,
Есть у вас родная?»
Есть родная, мать нам дорогая,
Наша святая!*

Слитно грянула в ответ запевале колонна.

*Солдатушки, бравы ребятушки,
Где же ваша слава?*

В ответ...

*Наша слава – Русская держава,
Вот где наша слава!*

И понёсся над усадьбой залихватский припев, подхваченный сотней голосов:

*Соловей, соловей пташечкаа
Канареечка жалобно поёт.
Раз поёт, два поёт, три поет
Канареечка жалобно поёт!*

Так общей колонной и втянулись в крепостные ворота, где, уже спешившись, воины перемешались между собой и начали знакомиться, обниматься с уже знакомыми, шутить да подначивать друг друга. Началась обычная, в таких случаях, суета встречи. Высокое же начальство проследовало по приглашению Сотника в штаб, чтобы, пока на свежем воздухе накрывались общие столы, можно было бы поговорить с глазу на глаз и определиться с планами на ближайшее будущее.

Андрей уже в штабе, ни на глазах у всего воинства, обнялся с Давыдом Мстиславовичем и со всеми ближними командирами прибывших, отметив, про себя, бледность Торопецкого князя. Каждого прибывшего обнесли крынкой с холодным резким квасом, с жары и долгой дороги – самое то! Затем уселись за общий стол. Андрей по праву хозяина представил командование своей бригады – первого заместителя Климента, начальника разведки Варуна, начальника штаба Филата да тыла Лавра.

Ярослав Всеволодович взяв слово, поблагодарил всех за торжественную встречу и дал пояснение своему столь неожиданному для всех прибытию в поместье:

– В граде Киеве, традиционно главный на Руси престол занимал представитель смоленских Ростиславовичей – Владимир Рюрикович. По его-то инициативе и собирались нынче русские князья, чтобы вновь попытаться договориться о прекращении постоянных междоусобиц, борьбы за власть и земли. А также попытаться объединить основные воинские силы перед лицом постоянных вражеских угроз со стороны недружественных соседей.

Но как это часто случается среди сильных мира сего, каждый князь был озабочен только своими делами и целями. Диалога опять не получилось, а многие властители и вовсе не явились на зов Великого Киевского князя, попросту проигнорировав его. Да и власти, в общем-то, Киевский князь как раньше, в старину, уже не имел. Центр силы русской земли всё больше

смещался на север, в земли Владимиро-Суздальского княжества, к которому были близки и зависимы такие крупные, как Ростовское, Переяславское, Ярославское, Костромское, Тверское, Муромское, Галицко-Дмитровское и несколько других более мелких княжеств. А также признавали номинальную зависимость и несколько других княжеств, и в том числе свободолюбивая Новгородская республика.

Вот и переместились во Владимир после общего съезда двенадцать князей, что были в орбите его политики. Там-то и удалось договориться и решить свои территориальные споры, наметить ряд династических браков, решить многие другие вопросы, а главное – наметить ту политику и направление развития активно укрепляющейся Северо-Восточной Руси. И первой задачей сейчас было отбить военный натиск западных держав: Немецкого Тевтонского ордена крестоносцев, Шведского и Датского королевств, несущих к нам на кончиках своих мечей западную католическую веру и своё понимание жизни. Не допустить уничтожения и поругания родной Православной веры. При всём при этом, не просто отстоять свои земли а, напротив, расширить своё влияние в Прибалтике и на сопредельных с племенем кареллой финских территориях племён еми и суми. При решении этих вопросов, вернуть соседнее Полоцкое княжество в орбиту русской политики, оторвав его от влияния литвин. Им же дать понять, что Русь сильна, как и прежде, и пытаться выступать против неё – смерти подобно! Как это уже только недавно, в общем-то, и было продемонстрировано на льду Усвятского озера.

С востока угрозы пока не ждали, надеясь, что монголы навсегда или, хотя бы, на очень долго погрязли в войнах с далёким востоком и югом, и им теперь не будет дела до какой-то там северной Руси.

Всё это было понятно, как и понятно желание князей собрать воинскую силу в единый кулак, а вот тут Сотнику нужно было сделать всё, чтобы как можно дольше оставаться самостоятельной боевой единицей. По большому счёту, никому из высших мира сего ведь не было дела до отдельной Андреевской бригады, с такой заботой и трудом возвращаемой им.

В общий строй её! На такую же многочисленную ораву вражеской рати, что идёт стеной напротив! Одна-две таких битвы, и сточится его бригада, истечёт вся кровью в ближних рубках-сражениях. Поэтому, выполнение боевых задач Сотник видел не так как многие военачальники этого мира. Тактика его действий была в максимально-эффективном использовании имеющихся сил, всех их навыков и оружия. А самое главное – в минимальных для этих сил потерь. Враг же должен был их нести несоизмеримо больше. Он должен был быть наголову разбитым и получать в итоге общее стратегическое поражение. И всё это следовало мягко внушить всем высшим представителям местной власти, а в нашем случае, Ярославу Всеволодовичу, князю, возглавляющему военную силу всего Великого Новгорода.

Поэтому делаем это ненавязчиво, исподволь и аргументировано, а какая может быть лучшая аргументация, как не традиционная баня, немного хмельного и благожелательная беседа старых боевых товарищей. Рецепт надёжный и проверенный ещё по той, «прошлой жизни» майора Сотникова.

И не просто банька, а **Баня**, с большой буквы! Детище Андрея, русского мастера гончарных дел Осипа и великого греческого умельца, практически учёного этого времени, Аристарха Константиновича, коего злые и завистливые языки называли просто и пошло – пе-е-чник.

Спроектирован и отстроен банный комплекс был наподобие старинных римских терм. Это, конечно, не огромнейшие термы римских императоров Трояна или Агриппы, но уступая им по размерам и по внутреннему качеству отделки, бани Андреевского дополнили общую мысль нагрева полов, стен и бассейнов своими особыми новшествами, взятыми из лучших банных традиций народов мира.

Были тут отделения русских бань и финских саун, с внутренней деревянной отделкой и различаемых в основном только по температурному режиму, поддерживаемому в парной.

Финская парная была значительно жарче, а главное, на много суше русской, но зато в русской парной был **Веник** – народное изобретение, пришедшее к нам от мудрых предков, из глубины веков. Использовался он для банного (венечного) массажа тела, обрызгивания кипятком каменки, нагнетания пара и, конечно же, для создания своего особого банного и ароматного духа. Плеснёшь на раскалённые голыши горячим настоем из целебных лесных трав, зашипит, расходясь от них, облако ароматного пара, проникая во все поры, лёгкие и бронхи парильщика. И выходит из тела с каждым хлёстом веника вся немощь и хвороба.

«Парьтесь, дяденьки и тётеньки, и деток к бане приучайте, повышайте свой иммунитет и набирайтесь здоровья. Бог Вам в помощь!»

Какие только веники не ладили для бани. Берёзовые, дубовые, липовые и ольховые, пихтовые да крапивные, из рябины и пижмы, и каждый из них имел свои особые медицинские, восстанавливающие и укрепляющие здоровье свойства.

Вот и сейчас, напарившись от души в жаркой парной, Андрей с Ярославом бухнулись с разбега в бассейн спрохладной водицей – ляпота-а! Давыд по совету хозяина сидел в это время во влажном, тёплом хамаме, восточной разновидности бани, и вдыхал пар от специально подобранного травяного лёгочного сбора. Вот уже десять минут как его отпустил постоянно душивший и изматывающий тело кашель, лицо Мстиславовича опять порозовело и дыхание вновь, как и до тяжёлого ранения, стало ровным и глубоким.

– Ох, Андрей Иванович, никак чудесник ты, такое чудо чудесное создать, мне после таких бань уже и снова жить захотелось, – расслаблено произнёс Торопецкий князь, – Думал, признаться, немного мне на белом свете осталось. Дышать тяжело стало и в груди постоянно болит. Неужели рано ещё о погосте думать?

– Давыд Мстиславович, – задумчиво произнёс Андрей, – Ранение твоё тяжёлое. Я же сам тебя на месте правил и лечил в тот первый месяц под Усвятами, что мы к уходу домой готовились после той битвы. Так-то вообще чудо, что ты жив остался. Литвинское копье всю грудину твою разбило и, пройдя дальше, само лёгкое порвало. Думал, вообще, что ты кровью истечёшь.

– Прости меня, Андрей Иванович, прости, не жалуюсь я, ты меня с того света на Усвятом льду вытащил. До скончания своего века за тебя и сам я, и близкие мои будут молиться. Так-то хоть дела свои смог привести в княжестве в порядок. Наследника лишний год удалось к самостоятельной жизни подготовить. Тут ведь уже и каждый день бывает в радость...

– Прости, что перебиваю тебя, княже. Но ты никак уже на тот свет собрался? Так рано тебе ещё! – нахмурившись, произнёс Сотник. Видишь, если после этих вот сегодняшних разовых банных процедур даже тебе полегчало, так выходит, и вовсе не безнадежно всё. Просто тебе, пресветлый князь, нужно особое и постоянное длительное лечение, а ты вон скачешь без отдыха за такими-то вот витязями «вдогон», – и он кивнул на довольно ухмыльнувшегося новгородского князя богатыря Ярослава Всеволодовича.

Торопецкий князь виновато опустил голову, понимая всю справедливость сказанных слов. Ведь то же самое ему не раз уже говорил Сотник, ещё тогда, когда ухаживал за ним раненым. Выходит, он сам не внял его словам и понадеялся как обычно на русское авось, ведь и так же заживают раны. Да и как было беречься, когда на него столько дел навалилось разом после недавнего литвинского нашествия. Нужно было срочно восстанавливать разорённое княжество и крутиться там «как белка в колесе». Как-то не до себя уж тут было. Вот и загнал себя, что дальше уже некуда. Один вон погост впереди...

– Помоги, Андрей Иванович, Христом Богом прошу! Давыд Мстиславович как брат мне! Сколько лет вон отважно обороняет землю русскую от врага в своём княжестве. На тебя теперь только одна надежда! Ты ведь настоящие чудеса творишь в лекарском искусстве, сам всё своими глазами видел! – просительно смотрел ему в глаза Ярослав, – Ну а мы уж не поскупимся, Иванович, отблагодарим, что хочешь, для себя проси.

– Хм... – хмыкнул Андрей, – Не в благодарности дела пресветлый князь. Я ведь и сам Давыда Мстиславовича люблю и уважаю. И сделаю всё, что только в моих силах будет. Даже не сомневайся. Однако ведь многое зависит и от него самого. Надобно будет ему сделать такое лечение, которое будет непрерывно продолжаться не один месяц, не два и даже не три, а, может быть, целый год и даже ещё чуть больше. И всё это время он должен будет непрерывно находиться в этой усадьбе и под моим постоянным приглядом. Ну, или же перед глазами других моих лекарей. И при этом будет беспрекословно соблюдать все строгие требования, и принимать не всегда приятные зелья. Есть ли такая возможность у него? Ведь и обязанности властителя своей земли, военачальника и прочие другие многие обязанности постоянно над ним, как над властителем земель, тяготеют.

Торопецкий князь помолчал, вздохнул и ответил:

– Не боюсь я уходить на тот свет, хоть и мало пока пожил на этом, да, однако же, весьма славно и полезно для Отечества, как мне кажется. Одно вот только плохо, Всеслав мой совсем пока мал, двенадцать годков ему всего, не готов он ещё княжью власть принять. Ни знаний, ни жизненного опыта, да и ни воинского умения, ничего у него пока нет, так, дитё он совсем неразумное. Мамка да бабка уж больно его занянчили, пока я всё по дальним походам с дружиною ратился. Да вот видно и я пережалил слишком мальчика, всё-таки двух деток от хворобы схоронить нам с моей Анной пришлось, занянкали вот, видать. Давно уже его пора к серьёзной воинской службе приучать, а то так и будет всё за мамкин подол держаться. Отсюда и личная просьба у меня к тебе, Андрей, будет. Возьми ты его в свою воинскую школу на обучение? Много я о ней хорошего слышал. И знаю, что не забалуешь там особо у тебя. Пусть же наравне со всеми растёт в воинских трудах и заботах, своим потом и кровью ратную науку постигая. И коли всё же возьмёшь княжича, так требуй с него больше, чем со всех остальных, безо всякой скидки на его княжью кровь. Хоть секи или на хлеб/воду сажай Славку за любую малейшую провинность.

– Тише, тише, князь, ну что ты, в самом деле, так разволновался! Детей у нас не секут. В школе это строжайше запрещено, наказаний же и так, без того, с избытком хватает. Да и наказание – это ведь не главное. У нас ведь как, сам коллектив своих курсантов воспитывает. Сословных делений в воинской школе так же и в помине нет. Все отроки перед присягой и наставниками там равны.

– Что уж говорить, привози своего наследника, так и быть. Только просьба у меня, на первых порах о его принадлежности к наследным князьям никто знать не должен. Ну а дальше уже видно будет, по ходу учёбы, как-нибудь, думаю, разберёмся.

– Самому тебе, Давыд Мстиславович, отстроим теремок в усадьбе, где ты сможешь со всей своей семьёй да с ближниками этот год со всеми подходящими удобствами жить и лечиться. Так что, завтра, послезавтра же, на самой быстрой ладье можно будет тебе выдвигаться в Торопец. Там ты, княже, как всё уладишь, оставишь свою вотчину на верных и честных людей, ну и милости просим обратно, в наше поместье. Будем уже тут твоё здоровье править, а Всеславу как раз придёт пора, проходить курсы молодого бойца (КМБ) для поступления к осени в школу.

Закончив банные процедуры в помывочной, и завернувшись в льняные простыни, Андрей пригласил князей в трапезную, где за лёгким обедом можно было подкрепиться и продолжить дальше беседу.

А беседовать, судя по всему, было о чём.

Ох, и неспроста явились к нему два властительных князя. На Балтике очередной кризис в отношениях между основными политическими игроками – союзом свободных немецких городов Ганзой и старой владычицей северных морей Данией разразился всё-таки ожесточённой войной.

Датским королём Вальдемаром II при поддержке своего племянника Оттона I, герцога Брауншвейг – Люнебурга, было захвачены побережье Померании, включая и большой остров Рюген, а так же северные земли Гольштейна, Мекленбурга и Ратцебурга. В данный момент с переменным успехом шли позиционные бои во владениях графов Шверина и Гольштейна, которые, прекрасно понимая, что не справятся с датчанами в одиночку, признали себя вассалами курфюрста Священной Римской империи, герцога Саксонии Альбрехта I, и объединили войска.

Сложившийся мощный военно-политический союз поддержали Бременский архиепископ Герхард, князь Мекленбурга Иоанн I, большой город Любек, имперский Гамбург, а также несколько северогерманских западнославянских (вендских) князей.

Дело пахло большой дракой! Слишком большие силы были вовлечены в конфликт, и отсидеться за Ладогой у Новгородской республики уже явно не получалось. Но и тут всё было опять, же не просто.

Объявить войну Дании и ударить ей в спину, было бы, конечно, заманчиво, но в данный момент её мощный Королевский флот явно доминировал в Восточном море, и вывести Новгород свои корабли в море, как неизбежно остался бы и без кораблей, и без всего своего войска. О перемещении же сухим путём можно было даже и не думать. Столько земель вечных противников Руси на долгом пути преодолеть было просто нереально.

Была и ещё одна причина не начинать широкомасштабных военных действий с Вальдемаром II. Дания прочно занимала часть восточных прибалтийских земель в северной Эстляндии с их столицей в крепости Ревель. И тут её интересы пересекались с хищными интересами немецких орденов Меченосцев, Тевтонского, ну и зарождавшегося Ливонского. Убери с политической шахматной доски Восточной Балтики фигуру датского короля, и землям Пскова с Великим Новгородом тогда уже явно не поздоровится. А так, противники хоть в какой-то мере, но сдерживали друг друга взаимным противовесом. Обоюдно сковывали свои военные силы и не давали им пока в полную силу развернуться да обрушиться затем на ослабленную Русь.

Однако же и совсем в стороне остаться от этой войны было бы тоже неправильно и непредусмотрительно. Это как в групповой драке за кустиком «затихариться». И свои потом тебе это припомнят да накажут, и противник твою слабость заметит и всё равно, в конце концов, в одиночку «отметелит».

Вот и пал выбор у Господнего совета Батюшки Великого Новгорода на Андреевскую бригаду. А что? Гениальная мысль, надо сказать, и Ганзу не обидели – прислали воинскую подмогу союзнику, и датскому королю показали, что Новгород в глобальном противостоянии с Данией как бы ни заинтересован, но и острые зубы он всё равно для врага имеет.

Княжья же дружина или многотысячное ополчение остались на своей земле, а то, что три или четыре сотни на ратное поле вышли, так то, для понимания некоторых, что у Новгорода, дескать, память хорошая, и он любое зло помнит. И тот дерзкий рейд датских корсаров на своей земле не позабыты, и притеснения новгородских купцов, захват их ладей, убийство команд, да и много ещё чего недоброго, что было. А если будет нужно, то новгородцы, ведь могут ударить по врагу уже и по серьёзному, да ещё и всем своим войском навалятся. Поэтому лучше было бы Вольдемару с ними не ратиться и не вредить с таким трудом, выстроенным с русской республикой отношениям.

– Ты только сам уж шибко там не рискуй, Иванович, – виновато потупив взгляд, проговорил Ярослав Всеволодович, – Я бы и сам, поверь, с удовольствием всю свою дружину бросил в битву на спесивых данов. Давно уже пора им было укорот дать! Постоянно они свои острые зубы на наши Ижорские земли и Копорье за этой своей Нарвой точат. Но что тут поделаешь – политика, етить её через коромысло! Не волен в полной мере я в своих заграничных походах. Пока не одобрил Господний совет, только и остаётся, что меч свой точить да ждать, когда какой враг сам к нам в гости пожалует. Хотя, по секрету тебе скажу, что грядёт в недалёком будущем

и для нас большое дело. Уж больно финские племена Суми и Еми в последнее время распоясались. Науськивают их на нас Сvei, вот те и лезут с набегами на Ладогу, да наших союзников, Карел, на их же земле вырезают. Так что, береги себя и людей, грядёт нам с тобой ещё одно общее дело. Пока же, только тебе выпала честь встать под русским знаменем в далёком заграничном походе. Знаю, что своей доблестью твоя бригада не посрамит честь всего нашего воинства, а токмо покроет себя ещё большей славой на иноземном бранном поле. В том надеется и Господний Новгородский совет, и об этом шлёт тебе грамоту, на право держать оружие за союзников от его высочайшего имени.

– Значит, в своём выборе способа боя я могу смело выступать как свободная военная сила от новгородцев? – уточнил Сотник.

– Хм... Ну, если это не противоречит или не вредит общему плану наших ганзейских союзников, то, думаю, что можно, – задумчиво ответил Новгородский князь и отхлебнул кваса из большой глиняной канопки, – Эх и хоро-оший квасок, ударяет в носок, экий же резкий он у тебя, – ухмыльнулся князюшка.

– А насчёт твоего вопроса, понимаю я тебя, Андрей Иванович. Бережёшь ты своих людей как никакой другой из воевод и, небось, не хочешь, чтобы их на убой выставляли по дури, али ещё по какому другому злomu умыслу. От немчурь-то этого вполне себе можно ожидать. Союзнички, етить! Морокотники! Чтоб им!¹. Всё бы им чужими руками жар загребать! Так что, ты, пожалуй, делай, как считаешь нужным. Новгородцы вообще испокон веков своим своенравием славились, о том-то уже давно все знают, поди. Ну, уж «не зарывайся» совсем-то, конечно, всё по уму должно быть, без дурного озлобления. Да не мне тебя учить Иваныч. Тебя учить – только портить, как ты сам говоришь! – и весело рассмеялся правильной пословице.

– Когда выдвигаться, какими силами и на чём? Морских судов у меня нет, князь, – уточнил Сотник, понимая, что дело об участии в дальнем походе бригады в новгородских верхах, в общем-то, уже решённое, и оставалось только подчиниться, да подготовиться к его выполнению.

– Ну, что же, вопросы правильные, – качнул головой Ярослав, – Времени на раскачку у тебя нет, Иванович. Вот-вот где-нибудь в Северо-Германских землях может состояться главная битва соперников, и там наше присутствие, как я уже ранее говорил, будет крайне желательным. Поэтому, собирай свои силы и тремя-четырьмя сотнями выдвигайся поскорее за Новгород к самой Ладоге. Там уже у одной из укромных пристаней, в устье речки Оломна, впадающей в Волхов, тебя будут ждать четыре снаряженных для дальнего морского плавания ганзейских когга и ещё несколько быстроходных ладей. Команды на них большей частью наши, новгородские, из тех проверенных ушкуйников, что постоянно морским разбоем в наших же интересах промышляют. Есть там и опытные ганзейские мореходы, что постоянно по Варяжскому морю ходят, да и все премудрости этих дальних плаваний постигли сполна. Вот этими-то самыми коггами и ладьями вас по Волхову, Ладоге и далее по реке Неве к морю-то и доставят. Тяжёлого товара у вас в трюмах не будет, так что, пожалуй, пройдёте вполне, осадка, думаю, вам это позволит. Ну а дальше уже по морю мимо Готланда, да напрямиком в Голштейнские земли. Морем идти вам, конечно, сторожко нужно. На Балтике сейчас всю кипят сражения. Датский флот берёт на абордаж или же топит всё, что только увидит. А крупные его силы рыщут у самых наших восточных побережий и перекрывают там всё. Боятся даны нас пропустить, ох, боятся! Держат на заметке, что мы большими силами можем прорваться на помощь союзной Ганзе. Вот и ведут разведку да поиск, дабы упредить нас и утопить, не подпустив к союзнику на запад. Так что, ты подумай хорошенько, посоветуйся там на месте со шкиперами, как можно было бы удачней пройти в германские земли. Ну и самое главное. В помощь и для какого совета

¹ Люди без понятия – старорусское ругательство.

на чужбине, к тебе от Новгородского посадника определён купец первой Ивановской сотни Строков Путята.

И, увидев, как заулыбался Сотник, усмехнулся довольно:

– Знаю-знаю, как вы дружны с ним, знаю. Вот и ладно! Специально у Господнего совета для тебя его выпросил, да он и сам был тому рад радёшенек.

– Стало быть, все вопросы по провианту, или по какой другой хозяйской части вы с ним там сами и решите. Сей муж в походе может быть тебе и в посольских делах шибко полезен. Знакомства с готланскими и ганзейскими купцами у него весьма обширные. Чужеземными языками он искусно владеет. Средства опять же ему на ваш вояж новгородская казна без скупости отмерила. Теперь ты только тряси его, да обирай там, как липку, – и князь снова рассмеялся.

Всё Андрею было ясно. И высокое начальство, закончив трапезу, вышло из бань. Пришло уже время отдыхать дружине. И так ведь притомились сердешные, ожидаючи. Вон заместитель Андрея по тылу, Лавр Буриславович, уже в который раз, эдак хитро так в трапезную заглядывает, как бы невзначай проверяя – а не надо ли ещё чего поднести гостюшкам? А то, может, уж засиделись там высокие господа? Так-то для вас в господской избе уже и хмельной стол после доброй баньки ждёт – дожидается. Да и еда не в пример вот этой закуске весьма богатой и обильной на том столе будет.

Но вот вскоре и весь банный комплекс наполнился громким хором сотен мужских голосов, восторженными криками дружинников, плеском воды в бассейнах, да хлёткими ударами веников из парных. Пошла жара! Дружина отдыхала после дальнего перехода в невиданном пока досель чуде – в Андреевских термах. Будет что, потом рассказать у себя дома!

Глава 4. Гарольд Волосатый

Гарольд Волосатый второй месяц бороздил просторы Восточного моря. Это был уже его второй выход после того года, что был дан королём Вальдемаром II на поправку от ран и приведение в порядок своих дел в жалованном лене Вайлефьёрда².

Время и деньги, жалованные из королевской казны, были потрачены не зря, и под командой опытного морского волка были теперь три прекрасных боевых судна, сработанных на лучших верфях в Роскилле, а так же быстрая и маневренная дозорная ладья.

Первый весенний выход дал неплохую добычу в три жирных ганзейских торговых когга и пяток рыбацких лодок, которыми викинги так же не побрезговали. Большая часть от захваченных команд пошла, кормить рыб, кого-то продали в рабство, были и такие, кто через кровь своих бывших товарищей вступил в команду данов. Но таких всё же было немного, ведь если ты предал один раз, то где гарантии, что не предашь и в другой, но уже теперь и своего нового хозяина. Поэтому обычный исход в абордажной схватке у проигравшего был – пасть на палубе в бою или быть сброшенным за борт. Товар же из трюмов добычи перекочевал к победителям. Парочку судов в качестве приза даже удалось привести домой и выгодно их продать в столичной бухте.

Команда Гарольда была довольна: «Наш свёрнутый нос удачлив. С таким капитаном серебряные всегда будут водиться в кошелях, а лучшие девки будут довольно визжать, сидя у нас на коленях», зачастую похвалялись они, сидя в приморских тавернах и кабаках. Так что, проблем с набором в команды у «Волосатого» не было.

Не успели ещё отдохнуть от весеннего рейда, как в июне на общем королевском собрании капитанов поступил высочайший указ:

«Всему датскому флоту выйти в море. Восточное (Балтийское) море отныне объявляется Датским. Все суда, следующие по нему, досматривать. Не имеющих королевской грамоты – разрешения на плавание в Датском море, конвоировать в порты Дании. Суда, отказывающиеся подчиниться: имени короля – захватывать или топить. Команды предавать скорму суду на месте. Суда Ганзы или её союзников захватывать, команды же предавать смерти незамедлительно. Весь захваченный товар предавать для учёта и выделения причитающейся доли в главной королевской гавани Роскилле и в Ревеле-столице Эстляндского герцогства.»

Летом 1227 года от Рождества Христова на море и на суше начались ожесточённые боевые действия. Капитан и предводитель морского отряда Гарольд Волосатый очень надеялся, что сможет сейчас, как и два года назад после того памятного рейда в русскую Гардарику³, снова выделиться и доказать своему королю, что он, потомок славных викингов, достоин гораздо большего, чем быть простым капитаном морских разбойников. Были и свои личные мотивы в этой войне у пирата. Уж больно скверные слухи ходили в последнее время среди падких до славы конкурентов, что, дескать, совсем уж и не славен был тот недавний поход на русский восток. И, якобы, свою основную команду он попросту бросил там, на убой и в плен к новгородцам. Да и раны свои получил он в позорном бегстве от какого-то там русского сотника, а вовсе не в победном сражении, как докладывал королю».

В золоте недостатка не было. Золото давало покровительство главного морского министра Герхарда. Вот и сидели в королевской крепости Кёге у пролива Эресунн в цепях его бывшие подчинённые, однорукий Хаук и Гюнтер. Зря они, вернувшись из новгородского плена, попытались, было, найти правду и призвать к ответу своего бывшего капитана. Знал «Волосатый», правда – она всегда на стороне того, у кого тяжелей кошелек. Ещё немного и вернётся он

² Землях, жалованных вассалу на условиях несения им службы.

³ Русь.

со славой да с богатой добычей из дальнего похода. Передаст, кому нужно, золото и не станет тех, кто захочет искать ненужную здесь никому правду.

«Всё в этом мире покупается и продаётся, только лишь всё дело в цене» – именно так и думал Гарольд, выходя всвоя новое плавание. Участок для патрулирования ему был определён как обширный треугольник с вершиной у шведского острова Утё. Восточными же и западными границами его были крупные острова Швеции Готланд и Эланд.

– Ну что, Олав, я же говорил, что мы и в этот раз вытянем для себя хороший жребий? – усмехаясь, проворчал капитан, глядя с прищуром на своего первого помощника. Всего-то десять марок серебра, и командир восточного крыла Эрик Могенсен отдал нам такой жирный кусок на прокорм. Уж в нашем-то треугольнике всегда найдётся, кого пощипать. Тут сходятся морские пути из Готланда в Любек, Кёльн и Гамбург, а из Ливонии купцы везут свои товары в Швецию. Но самое главное, именно тут или немного южнее проходят суда в русский Новгород, и ещё далее, через него, по рекам и волокам на знойный юго-восток. Чего только не перевозят они в своих трюмах, Олав! Одни только шелка и специи, только подумай, чего стоят! А драгоценные меха с русского севера!

– Самое главное тут что? Это быстро вырезать команду, не дать им вцепиться в тебя, а то уж больно они кусачие порой бывают, сам по себе знаю, – и Гарольд, нахмурившись, произвольно погладил свою руку.

– Да, надо всыпать дозорным посильней, чтобы не спали на мачтах, не то прозевают и купцов, и боевые суда руссов. Не очень-то я верю в эти басни, но кто ж его знает, вдруг их флотоводец и вправду окажется настолько хитрым, что поведёт свои суда таким необычным путём вдоль побережья Швеции. Проскочат, пропустим их – все на реях или в подвалах королевского пыточного замка окажемся! – представив такую картину, Волосатый передёрнул плечами и истошно заорал на дозорного, сидящего в «вороньем гнезде» мачты.

– Трюггви! Карась ты снулый! Зорче смотри в море! Опять там дремлешь, рыбий потрох! Спустишься вниз, я тебя лично как следует, выпорю!

– Я не сплю, капитан, простите, капитан! – заверещал худенький и забитый вечными понуканиями и придирками юнга, – Вот только что по правому борту чайка пролетела, а в дали, по левому борту пенный бурун от ветра пошёл. Я всё внимательно смотрю и стараюсь, капитан! – продолжал причитать, поскуливая, малец.

Его уже два раза за это плавание беспощадно выпороли в назидание всем остальным, и третий мальчишка бы просто не выдержал, и так уже покрытый коростой ран от такой вот жестокой науки.

Порядки в датском королевском флоте были суровые. Власть капитана была деспотичной и непререкаемой. Он легко и просто мог казнить любого, за какой-нибудь проступок в море, ну а уж выпороть, тут уж как говорится – что воды попить.

Всё на судне подчинялось строгому распорядку: вахты, работы по поддержанию порядка в плавании, приёмы пищи или отработка приёмов захвата противника.

У каждого из команды в плавании, кроме основной судовой, было ещё и своё боевое дело.

Кто-то был хорошим стрелком: лучником или арбалетчиком.

Кто-то далеко и точно метал абордажные крючья-кошки, чтобы затем подтянуть к себе судно-добычу.

У кого-то из самых сильных и отчаянных головорезов была в бою роль передового тарана: перемахнуть, закованным в железо, с борта на борт, метнуть на лету тяжёлое копьё или топор да врубиться с ходу в противника, разрубая мечом или секирой щиты, доспехи и пока что ещё живую плоть.

Дело же Трюггви Карася было маленькое – ему нужно было пошустрей подносить арбалетные болты и стрелы тем стрелкам, что занимали «воронье гнездо» на мачте во время боя, и вели оттуда сверху прицельный обстрел. На большее в бою он пока не годился. Ну а в обыч-

ном плавание предстояло ему висеть в этом «гнезде» между небом и палубой, пронизываемым до дрожи всеми ветрами насквозь, да вглядываться зорко вдаль, в надежде заметить далёкий парус на горизонте. Такие вахты Карасик делил со вторым дозорным юнгой Нудом⁴, и там, наверху, несмотря на холод, ему было гораздо комфортнее, чем внизу. Под облаками хотя бы не приходилось уворачиваться от постоянных тычков и затрещин, да ещё не нужно было вечно мыть и скрести эту смолистую палубу да полы в каютах и в вонючем, пропахшим ворванью⁵, трюме. Но выбора не было. Не стало его с того самого дня, как привёл его отец к хозяину родного Вайлефьёрда, не имея возможности расплатиться с многочисленными долгами семьи. Вот с этого самого момента и до самого скончания хозяина – «Волосатого», он теперь его личная собственность и просто говорящая вещь. Трюгви опять вспомнил родительскую рыбацкую лачугу у побережья, растянутые для просушки сети и играющих в песке, одетых в сплошную рванину, братишек и сестрёнок. Мама, наверное, опять поставила на очаг большой глиняный горшок с рыбьими хвостами да головами, закинула в него пару щепоток муки и пучок крапивы с лебедой. Помешивает теперь всё это варево своей длинной деревянной ложкой да выходит время от времени крыльцо и, приставив ко лбу ладошку, вглядывается с надеждой в морскую даль. «Что-то задержались сегодня рыбаки с утреннего лова, не случилось бы чего! Море, оно ведь такое, и кормит рыбаков, и само обильно себе их жизни забирает...»

От нахлынувших воспоминаний у мальчугана сами собой навернулись слезы, и он смахнул их с ресниц.

Не дай Бог хозяин увидит, или Бьёрн Одно Ухо, старший абордажной команды, злющий медведеобразный детина. Тогда быть ему опять непременно поротым, а то и вообще могут в море выкинуть за нерадивую службу. И проморгавшись, Трюгви пристально обвёл взглядом море. Всё вокруг было пустынно, серые волны сливались вдаль с небом, и дозорный, заканчивая осмотр правой стороны, начал уже поворачиваться к корме, когда у теряющейся линии горизонта, на самой границе восприятия, ему показалось, как будто бы там что-то мелькнуло. Может, это просто чайка пролетела, или же волна вспенилась под свежим ветерком? Карасик, как только мог, напряг своё острое зрение. Нет, по правому борту, в заднем его секторе, явно что-то виднелось, и это была точно не чайка и не какой-нибудь там пенный бурун. Парус! Да, именно его только что заметил глазастый юнга. И вытянувшись в сторону цели, Трюгви в волнении закричал: «Вижу парус! Парус по правому борту, там, ближе к самой корме!»

Все на судне мгновенно бросили свои дела и выстроились у борта, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в серой дали. Но тщетно. Даже забравшиеся на мачту второй дозорный Нуд, и считавшийся самым глазастым в команде Ульф⁶ не смогли ничего там разглядеть.

– Тебе всё прирезилось, маленький негодник! – разъярившись, заорал Гарольд.

– Ну, теперь я точно с тебя шкуру спущу, а ну быстро слезай из гнезда! – и он потянулся за линьком, тонким смолёным канатом из пеньки, который зачастую применялся для наказания провинившихся.

– Подожди, капитан, – тихо проговорил старший рулевой, седой и умудрённый жизненным опытом Фроуд Треска.

– Выпороть мальчика ты всегда успеешь, а вдруг он действительно настолько зорок, что видел парус и, протянув время, мы спугнём нашу добычу. Я бы на твоём месте пока не спешил с наказанием, а занялся бы делом, – и, покачав головой, он пошёл на корму к рулевому колесу.

Волосатый, было, вспыхнул, собираясь отчитать лезущего не в своё дело старика, но затем задумался. Ведь в его словах действительно был определённый резон. Ну что же, с нака-

⁴ Узел. – Дат.

⁵ Варёным жиром морских млекопитающих.

⁶ Волк. – Дат.

занием можно будет пока и повременить! Главным сейчас было не спугнуть и не упустить такую долгожданную добычу!

– Убрать парус! Передать сигнал на остальные суда «Ложиться в дрейф и затаиться!». Всем вести наблюдение за морем!

На соседних с флагманским «Драконом», «Змее», «Вороне» и дозорной ладье, «Стрела» так же поспешно спустили паруса, и все суда мерно закачались на волнах.

Минута проходила за минутой, но ничего не менялось, горизонт всё так же оставался чист, и капитан уже снова начал терять терпение, когда вдруг с верхушки мачты раздался резкий крик Ульфа.

– Вижу парус! Капитан! Карасик был прав, судно идёт именно там, где он и сказал.

– Хм, – хмыкнул Гарольд, – Похоже, на сегодня порка отменяется. Маленький негодник не соврал.

– Ну-ка посмотри там повнимательней, паршивец, может быть, ты еще, что-нибудь там увидишь!? – и дозорные уступили место малышу.

– Вижу чётко два паруса, хозяин! Идут тем же курсом, что и раньше! – тонким голосом пропищал Карасик.

– Ну а какие паруса ты видишь? Что за корабли там вообще!? – снова прорычал капитан.

– Нет, хозяин, этого пока не разглядеть. Слишком уж они далеко от нас.

– Толку-то от тебя, негодник! – проворчал Гарольд, – Кого мне тут ждать вскоре, и к чему вообще нужно готовиться?

Капитан, конечно же, был не прав, и это на судне понимал каждый захудалый матрос. Зоркий глаз дозорного очень ценился в старину, в отсутствии тогда всякой оптики. И маленький забитый Карасик сразу же поднялся на несколько пунктов в глазах у всей этой отчаянной команды. Ведь каждый понимал, что зоркий глаз – это лишний шанс не упустить свою добычу на бескрайнем морском просторе, да и ударить всегда легче от более сильного противника, заметь только ты его вовремя.

Но и интерес капитана был не праздным. В Восточном (Балтийском) море только недавно отошли в прошлое те типы судов, на которых отважные мореплаватели викинги совершали свои опустошительные набеги на всех тех берегах, докуда только они могли добраться.

Основными кораблями для набегов у них были стремительные дракары. Для перевозки же товаров и грузов предназначались более вместительные, но и медлительные, неповоротливые – кнорры. Суда эти могли ходить как под парусом, так и с помощью гребных вёсел. Грузоподъемность кнорров была около 30 тонн. Дракары перевозили груза гораздо меньше, но их главным достоинством были скорость и мореходность – это воистину были волки северных морей!

Многие народы брали в пример принципы судостроения у викингов. Но с накоплением опыта и под давлением объективных причин, а именно необходимостью в перевозке больших грузов на большие расстояния, совершенствовались как суда, так и сама наука судостроения у всех приморских государств средневековья.

Самым совершенным на тот момент был Ганзейский тип судна – Когг.

Это было высокобортное, палубное и одномачтовое, а позже и двухмачтовое судно с мощным и широким корпусом. Характерной особенностью коггов были навесной руль и прямые штевни⁷.

Длина этого судна была около 30 метров, ширина их составляла – семь, восемь, а порою и девять метров. Не зря слово Когг происходило от немецкого «кугель» то есть шар, а во фризском языке она так и вовсе дословно означало «бочка». Отсюда и видимое достоинство такой судовой конструкции – перевозка как можно большего груза и неплохая мореходная устой-

⁷ Брус в оконечности судна.

чивость. При своей осадке в три метра, грузоподъемность ганзейца составляла до 200 тонн. Огромный рывок, согласитесь, с 30, как у того же дедушки – кнорра.

Рейковый прямой парус площадью в 180–200 м² поднимался на высокой мачте, составленной из нескольких собранных и подогнанных в единый ствол бревен, в основном из лёгкой пихты. Кормовая надстройка (ахтеркастль) была конструктивно связана с корабельным корпусом. На корме и носу судна крепились платформы с зубчатым ограждением. Кормовая площадка занимала около половины длины судна. Под ней располагались помещения, имеющие вход с палубы, и жилые каюты. В бортовых стенках кают иногда прорубались окна. Носовая балка – форштеньевь заканчивался наклонной мачтой – бушпритом, служившим для растяжки паруса спереди.

На кормовых и носовых надстройках, представляющих собой своего рода небольшие крепости, располагались стрелки: лучники, пращники и арбалетчики. Когги Ганзы оказали большое влияние на развитие парусных судов во всей Северной Европе. Принципы же работы средневековых ганзейских верфей взяли затем за основу и многие другие морские страны.

Основным новгородским типом судов этого времени были ладьи – однодеревные долбленые суда, с наращенными по краям бортами и одним прямым парусом. Проблема была в том, что найти настолько большое дерево было редкостью, поэтому новгородские ладьи были максимум 15 метров в длину и три-четыре в ширину, а высота их борта была не более двух или трёх метров. Соответственно, и грузоподъемность их не превышала 50 тонн, серьёзно уступая в этом коггам. Зато неоспоримым их преимуществом была возможность проходить по более мелководным путям, заходить из моря в реки и перемещаться «посухо» волоками. Важным преимуществом была их хорошая мореходность и большая, в сравнении с другими судами, маневренность.

Датское боевое судно по своему типу и характеристикам было ближе к ганзейскому коггу, взяв, что-то и от кораблей предков-викингов. Уступая по грузоподъёмности ганзейским судам, оно значительно превосходило их по скорости и по маневренности.

Судно имело обшивку внакрой, резко скошенный форштеньевь и навесной руль. Мачта у него ставилась посередине и удерживалась крепкими снастями. Рей (горизонтальный брус), опускавшийся на палубу, нес большой как и у когга прямоугольный парус, на котором можно было брать рифы, то есть при необходимости уменьшать или увеличивать площадь паруса, подвязывая его нижнюю часть.

Впереди, на бресе форштенья крепился треугольный помост с зубцами для размещения в нём носовых стрелков. Основная боевая палуба занимала около половины длины судна и поднималась над основным корпусом на прочных дубовых стойках. В носовой и кормовой части датские суда украшались стилизованными изображениями животных, зачастую драконов, как у их предков викингов.

Корабль был палубным, и на люке его трюма зачастую помещали шлюпку. На мачте выше рея крепили "воронье гнездо" для наблюдателей и верховых стрелков. Клотик мачты (самый её верх) обычно венчало изображение креста или флаг.

Приближавшиеся к датчанам суда явно не были ганзейскими торговыми коггами. Паруса их были гораздо меньше, да и размером корпуса они им значительно уступали. При внимательном рассмотрении эти суда более всего походили на ладьи с наращенными бортами. В любом случае это была добыча, и теперь никак нельзя было её упустить.

– Всем быть наготове! Скоро эти корыта приблизятся и заметят нас даже уже без паруса! – выкрикнул капитан, – По моей команде, как только они резко изменят курс, быстрее поднять парус и пуститься вдогон! У нас ход гораздо быстрее, и уже до вечера мы отправим их команды на дно, кормить рыб.

И, действительно, примерно через час нервного ожидания ладьи вдруг резко сменили курс, развернувшись к востоку.

– Поднять парус! Рулевой, бери мористее, у нас преимущество в большом парусе! Мы их легко за пару часов нагоним! Абордажной команде готовность при приближении, не спешите пока в броню облачаться, мы ещё побегаем за этими зайчиками! – и Гарольд весело оскалился.

В действительности, погоня много времени не заняла, и уже через два часа из «вороньего гнезда» мачты по ближайшей ладье ударили два лука и арбалет. Ещё десять минут хода, и добыча, сбросив парус, покорно закачалась на волнах. На её палубах царила суета и смятение. Высокий широкоплечий мужчина, как видно, старший на судне, сложив ладони, рупором прокричал на немецком.

– Мы мирные торговцы из Ливонии, плывём с грузом кожи в Готланд, в его главную гавань Висбю. Ливонцы всегда уважали и признавали власть датского короля в этих водах. Чем мы прогневали вас? За что вы преследуете и обстреливаете наши мирные суда?!

Волосатый, стоя в кормовой надстройке, надел на голову свой блестящий шлем и прорычал в сторону ливонца:

– Мне плевать, что вы там признаёте или не признаёте, грязные ливонские собаки! Что вы, что эти грязные готландцы, к кому вы там сейчас идёте, в последнее время слишком много о себе возомнили! Вы только и делаете, что плетёте заговоры против моего достойного короля да гадите исподтишка славой датской короне! Всем сейчас же сложить оружие и выстроиться у кормы! Кто не подчинится, тому немедленно смерть!

И уже своей абордажной команде, что выстроилась в полной готовности и при оружии по правому борту:

– Секите всех! Нам некогда возиться с пленниками и незачем их кормить!

– На абордаж!

Действия абордажников у Гарольда были отработаны и отшлифованы как надо. И уже через пять ударов сердца, на палубы торговцев по перекинутым мосткам ринулась, размахивая боевым железом, ревущая орава с «Драконе» и «Змея». Никакого сопротивления, надеющиеся на снисхождение ливонцы, не оказали, и уже через пять минут с ними всё было кончено. На палубе захваченных судов лежала изрубленная команда, и оставалось только выбросить её за борт да замывать большие лужи крови.

– Фрост, приберитесь там у себя, и оставь на своей захваченной ладье призовую партию в десять человек. Пусть идут в паре с моей, к ближайшей гавани Датской Эстляндии. Тут ходу-то всего три дня будет, а мы пока продолжим патрулирование, – отдал распоряжение второму капитану со «Змея» командир отряда.

И уже для своей команды:

– Всё здесь прибрать, чтобы чище, чем на трофее «Змея», было!

– Олав, выделишь десятерых бездельников на это корыто. С кож много серебра не возьмёшь. Ну да, с паршивой овцы – хоть шкуры клоч, уж что-нибудь да капнет в кошель. Да и сами торговые суда тоже денег стоят. А мы продолжаем плавание дальше. Заходим северней Готланда и держимся ближе к берегам Швеции!

Глава 5. Заботы короля Швеции

Для королевства Швеции первая половина XIII века была временем смут, мятежей и междоусобиц. За верховную власть с переменным успехом и кровопусканием конкурентам боролись конунги из трёх могущественных родов: Стенкиля, Сверкера и Эрика.

Во внешней политике шведы признавали верховенство на Балтике датской короны, однако старались проводить и свою независимую политику, прекрасно понимая, что с данами шутки плохи. Стоит только довериться этим потомкам викингов, и мигом станешь их самой захудалой провинцией, ещё и предварительно ограбленной подчистую. Одно радовало. Сейчас Вальдемару II было явно не до Скандинавии. Он был полностью занят войной с Ганзой и с её союзниками.

У короля Швеции Эрика XI Шепелявого было сейчас несколько забот. Самой главной из них было укрепление своей власти в королевстве. И, будучи бездетным, задача эта представлялась ему далеко не из лёгких. Нельзя было забывать, сколько претендентов на верховную королевскую власть в стране только и ждали случая, чтобы её заполучить.

Мать Эрика, дочь датского короля Вальдемара I и его жены Софии Владимировны Новгородской, кроме сына, родила мужу ещё и трёх дочерей: Марту, Ингеборгу и Софию. Все герцогини были пока не замужем, и можно было бы уже серьёзно подумать, как использовать их перспективное замужество для укрепления своего весьма непрочного положения на шатающемся троне. Да и с появлением племянников посмертная передача власти в руки своей же линии рода представлялась королю вполне даже разумной. Главным тут, конечно, было, чтобы родные сестрёнки с племянниками не оправили бы его на тот свет пораньше, чем планировалось. Но до этого ещё было далеко, а вот присматривать перспективную партию в королевских дворах Европы следовало уже сейчас.

Ещё одной заботой правителя было желание и возможность прирастить новые земли к королевству. Да и вообще, следовало направить кипучую энергию своих подданных на кого-нибудь из внешних врагов, дабы найти им применение в войне за родную корону, но никак не во внутренних разрушительных для страны мятежах да склоках. И идеальным направлением для такой экспансии представлялось Эрику восточное направление. По ту сторону Ботнического залива лежали языческие земли Тавастланда, населённые финскими племенами Суми и Еми. За ними же лежали земли племени Корелы, а следом уже богатые русские земли Новгорода. Ярлы, крупные шведские феодалы и католическая церковь – все они, каждый по-своему, были заинтересованы в большом походе на восток.

При всём при этом никак нельзя было допустить ухода из-под власти шведской короны и своих исконных земель. Особенно это касалось Готланда, огромного острова, лежащего к югу от материковой Швеции, примерно в ста верстах.

Жители Готланда вели активную торговлю и занимали ведущие позиции в посреднической торговле на Балтике между Восточной и Западной Европой.

На побережье острова существовала целая система удобных гаваней, которая в русских летописях называется Готским берегом. Готландские купцы имели свой гостинный двор в Новгороде, а в 1161 году вообще заключили договор с Саксонским герцогом Генрихом Львом относительно режима торговли на Готланде и в немецкой Голштинии.

Готландцы рано подчинились верховной власти шведского конунга (произошло это ещё до конца IX века), которая со временем только всё более и более усиливалась. Так, в обмен на торговые привилегии в материковой Швеции и на других островах королевства они приняли на себя обязанность платить ежегодный налог казне и после христианизации участвовать в военно-морском ополчении Швеции-ледунге. Но во всех внутренних делах островитяне сохраняли пока полную самостоятельность. Верховным органом готландского самоуправления

был альтинг «всеобщий тинг гутов, то есть собрание всех людей», который концентрировал в себе высшую власть на Готланде со всеми такими её аспектами, как суд, налоги, военное дело, внешняя и внутренняя политика, законодательство.

На этот остров издавна с аппетитом поглядывала владычица морей Дания, прекрасно понимая, что откуси она у Швеции такой завидный кусок да размести в его гаванях свой военный флот, и тогда вся восточная Балтика была бы у неё под контролем. Оставалось только дело за малым – разбить Ганзейский союз, и тогда уже никто не посмеет отвергнуть её притязания.

– Собирайся, Марта, пришло время навестить этих своенравных гутов. Островитяне должны раз от раза видеть своих властителей, чтобы не забывать, под чьей они там короной живут, – напутствовал свою сестру в зале королевской резиденции столицы Упсалы король Эрик.

– Поприсутствуешь там на их главном тинге в качестве почётного гостя. Помолишься в кафедральном соборе святой Марии в главном городе Висбю. Его что только что недавно отстроили там с таким размахом, глядишь, и пошлют тебе небеса завидного жениха. Пора бы уже! – усмехнулся король, глядя на высокую и стройную голубоглазую девушку с длинными светлыми волосами, собранными в тугую косу.

Марта, словно яркий весенний цветок, была полной противоположностью своему болезненному венценосному брату.

Прозвище Эрика XI «Шепелявый» восходило к строкам рифмованной «Хроники Эрика», в которой говорилось, что «конунг нетвердо владел языком, был шепеляв, да к тому же ещё и хром». Очевидно, он страдал от рождения травмой головного мозга, которая и вызвала дефект речи и его хромоту. Красота же сестры на фоне короля только подчёркивала все её достоинства. Но надо сказать, что, кроме физических достоинств, Марта обладала ещё и живым умом, знала несколько языков, читала труды античных авторов и вполне себе могла поддержать спор о различиях во взглядах двух древнегреческих философов Аристотеля и Платона.

По меркам средневековья, она была уже совсем взрослой. Ей шёл двадцать третий год, но, как видно, обременять себя узами брака герцогиня вовсе не спешила, и уже далеко не первый претендент на её руку, сердце и приличное приданное уходил восвояси в конфузе и в смятении. Язычок у герцогини был острый, а выставить на посмешище высокогородных и чванливых болванов у неё получалось превосходно.

– Эрик, ты же знаешь, что я не стремлюсь к замужеству. Имей ввиду, если ты ещё раз пришлешь свататься ко мне очередного набитого дурака, я просто уйду в монастырь. И знай, что Архиепископ меня поддержит. Уж он-то будет очень рад заполучить к себе такую высокогородную и скромную монашку, – театрально закатив глаза, с придыханием проговорила хулиганка.

– Боюсь, сестрица, что с такой послушницей из монастырского прихода, напротив, все монашки с послушницами разбегутся. Да и у нашего Архиепископа терпение не настолько крепкое, чтобы спокойно терпеть все твои взбалмошные выходки, – проворчал король, – Всё это славянская кровь нашей бабушки! Так что, держи себя в руках, сестра, и веди как подобает особам королевской крови! По поводу же твоему замужества, долго тянуть я тоже не намерен. Мне нужен наследник из нашего рода Эриков, чтобы укрепить центральную власть и не ввергнуть страну в пучину хаоса и кровавой междоусобицы. А ты, как и все остальные сёстры, должна мне в этом помогать! Неужели непонятно, что возьми власть в свои руки люди родов Стенкиля и Сверкера, то вас в первую очередь предадут смерти как первых конкурентов на верховную власть?! – прошипел разозлённый король.

Марта приблизилась, обняла брата и погладила по голове. Она на два года была его старше, и, рано оставшись без матери, искренне его жалела и любила.

– Хорошо, Эрик, не злись, я буду покорна своему королю и постараюсь ему помогать во всём, обещаю, – покладисто прошептала на ухо Марта, – Только не спеши меня выдавать замуж, ты же не хочешь сделать свою сестру несчастной.

– Хорошо, – вздохнул король, – Будь, по-твоему, а я пока не буду спешить. Может быть, судьба услышит мои молитвы и сама пошлёт вскоре тебе достойного избранника.

– Когда отправляться на Готланд, король? – Марта отошла и слегка склонила голову, подчёркивая этим уважение и покорность брату.

– Думаю, через неделю, если не подведёт погода. Возьми с собой Ингеборгу. Девочке скоро исполнится шестнадцать, и ей пора бы уже начать заниматься делами семьи. Может быть, хотя бы она не заставит своего брата волноваться о продолжении рода? – и он с иронией посмотрел на старшую сестру.

– Я буду только рада, Эрик, только рада! – мило улыбнулась Марта, – Мне кажется, в её жилах течёт гораздо меньше славянской крови, чем у меня! – и они уже вместе совершенно искренне рассмеялись.

Глава 6. На Оломне

Андреевские ладьи, пройдя по озеру Ильмень и выше по Волхову в ветреную и безлунной ночью, стремительно проскочили через Великий Новгород, не останавливаясь. По левую руку через пару вёрст хода тайно высадили возле речки Питьба два звена пластунов с десятником Родькой и взводным, прапорщиком Саватеем во главе. Остались с ними и двое подростков из третьего курса воинской школы Митяй и Марат. В том деле, для чего высаживали пластунов, их помощь была совсем не лишней. После этого, караван судов пошёл по реке ходко дальше. Нужно было как можно быстрее проскочить ещё более двух сотен вёрст вверх по Волхову, где в устье речки Оломна их уже давно ждали.

Не доходя около восьми десятков вёрст до Ладоги, ладьи зашли в укромный затон, в котором виднелась приличных размеров пристань, а на берегу высились какие-то строения. Причалить помогала пара местных лодочек лоцманов, и речные ладьи бригады буквально «в притирочку» встали рядом с казавшимися такими огромными, пришвартованными к пристаням морским коггам.

На берегу, освещённом факелами и жировыми светильниками, их уже ждали, и высыпавшие на причал и берег сотни встречали приветственными шутками и здравницами сами хозяева и прибывшие сюда заранее Варуновские разведчики.

Сотник, вышедший по мосткам на берег в числе первых, сразу оказался в плену у медведеобразного, здоровенного человека с крупными и выразительными чертами лица.

– Андрюха! – стискивал его в объятиях Путятя, – Ну, наконец-то! Заждались мы уже вас!

– Отпусти, оглашенный! – смеялся командир, – Задушишь ведь, медведице! Веди в избу, Селянович, расскажешь всё там, без лишних ушей.

И, обернувшись, отдал команду: «Старшим по разгрузке и размещению людей назначаю Лавра Буриславовича. Подпоручик, найдите местного хозяйственника, с ним всё согласуете по своей части и затем сразу же в штаб!»

– Прапорщик Боян, вам со своей ладейной командой разместить суда понадежнее, прибраться, и уже потом можете все отдыхать. Время подготовиться к плаванию у вас будет ещё достаточно!

– Климент Петрович, отдай распоряжение по несению службы часовых в дозорах да секретях, и милости прошу к нам! – обратился Сотник к своему первому заместителю.

И уже громче ко всем:

– Штаб и командование бригады, прошу на совещание! Остальному личному составу привести себя в порядок, прибраться, поужинать и размещаться на постой! Мы тут надолго, ребята, отдыхайте! Думаю, хозяева о нас позаботились, и угостят, и разместят, как подобает, да и в баньке намоют, напарят...

Со всех сторон послышалось довольное ворчание сотен и команд, смешки да шутки. Долгое плавание в летний зной по рекам Полометь, Пола и озеру Ильмень наконец-то закончилось. И воинам можно было немного передохнуть перед дальним морским переходом.

В большой освещённой несколькими светильниками избе, превращённой по случаю в штаб, за столом сидели старшие командиры бригады, близкие сподвижники и друзья Сотника. От «местных» присутствовал сам представитель Господнего совета Батюшки Великого Новгорода, купец Первой Ивановской сотни и еще с детства друг Андрея, Строков Путятя Селянович. С ним же рядышком сидели четыре шкипера с тех морских коггов, что сейчас были пришвартованы у местного пирса. Особняком недалече сидел ещё один незнакомый всем новгородец.

– Ну что, господа, начнём наш первый общий совет похода в таком вот составе? Давайте я представлю своих командиров, а потом Селянович познакомит с теми, с кем нам предстоит идти в дальний поход, – взял первым слово Сотник.

– Мой первый заместитель, поручик Климент Петрович.

И перед всеми, сделав лёгкий поклон головой, привстал высокий русоволосый с большим выпуклым лбом и аккуратной седой бородкой ветеран. На плечах его серо-зелёной форменной, скроенной из плотного сукна и столь непривычной для местного времени куртки, лежали зелёные погоны с одной красной полоской кантом – посередине. На этих погонах виднелись три небольшие бронзовые звёздочки, а на груди блестел солдатский и офицерский георгиевские кресты – IV степени с оранжево-чёрными колодками, серебряная медаль «за храбрость» I степени и красная планка «за ранение».

– Начальник штаба бригады, поручик Филат Савельевич.

С места поднялся невысокого роста крепкий черноволосый мужчина с глубоким вдумчивым взглядом. «Мозг бригады». Как видно, однако, в штабах он всё своё время не просиживал и его грудь так же украшали все те же боевые регалии, что и у предыдущего офицера.

– Начальник разведки, поручик Варун Фотич.

Со скамьи с кряхтением поднялся самый колоритный из всех четырёх заместителей Сотника. Был он всякакой-то «колючий», среднего роста, седой, с кустистыми бровями на сером обветренном лице, покрытым многочисленными шрамами. Серые, стального цвета глаза цепко держали всё вокруг и смотрели открыто с какой-то едва скрытой насмешкой. Сразу было понятно, что мужик он не простой, «тот ещё волчара – битый», оттого-то и «вся его шкура в шрамах».

Одежда его тоже выделялась среди повседневной формы Андреевцев. На форменной, как у всех куртке, поверх была накинута пятнистая, в серо-жёлто-зелёных разводах и с какой-то длинной бахромой накидка. На ногах виднелись такие же необычные штаны и обувь в виде ичиг или, как бы сказали в другие времена, индейских мокасин. В это же время или, вернее сейчас, это была стандартная обувь разведчика бригады, пошитая индивидуально для каждого из прочной и выделанной шкуры лося и идеально подходящая для бесшумного и мягкого передвижения по лесу. Наград у командира разведчиков видно не было, но у таких людей с этим проблем по определению быть не могло.

– Разрешите присутствовать! – в дверь зашёл заместитель комбрига по тылу Лавр Буриславович, – Люди размещаются, для них уже тут палатки и шатры натянуты. Начинают ужинать и готовиться к отдыху. Местный хозяйственник – крепкий мужик, сразу разгрузку судов взял в свои руки. Я там для контроля старшину Ждана оставил и сразу же к вам, – и присел по кивку Сотника.

– Как вы, господа, поняли, это мой четвёртый заместитель по тыловой и хозяйской части подпоручик Лавр Буриславович. Присаживайтесь, пожалуйста, продолжим знакомство.

Дальше были представлены командиры бережного и дозорного эскадронов Тимофей и Василий. Отдельной степной сотни Азат Хайдарович. Старшие судовой рати и ладейной команды: Молчан и Боян Ферапонтович.

– Ну что же, мои все. Познакомь и ты нас с уважаемыми шкиперами, Путята Селянович? Тебя-то я уж, извини, представлять, тут не стал. Мы все с тобой знакомы давно, а многие в своё время даже в походы вместе хаживали.

– Ну вот, – обиженно крякнул представитель высокого новгородского Совета, – Опять, как всегда, завистники задвинули и обидели самого слабого!

И все в избе искренне рассмеялись, глядя на этого пышущего могучим здоровьем черноволосого жизнерадостного богатыря. Обстановка в избе сразу стала проще, и некоторая напряжённость, какая бывает при встрече незнакомых людей, куда-то разом улетучилась.

– Управлять теми морскими коггами, что вы видели у пристани и что повезут нашу рать, будут надёжные и доверенные капитаны. Все они немцы по крови, но уже не первое поколение вслед за своими отцами, да дедами ведут морскую торговлю с нашим Новгородом. Имеют свои дворы у нас, где и проживают сейчас вместе со своими семьями. Не раз и не два уже выполняли они наши «особые» просьбы и поручения. Датчан они люто ненавидят, ибо лично от них пострадали. У кого отец, брат или сын от их злодейств пали, кто-то и лично с ними был ранен в схватке. Так что, я сим мужам полностью доверяю, чего и вам так же делать предлагаю.

– Ну, так я начну. Михаэль, капитан когга под названием «Pferd», по-нашему «Конь», самый старший и опытный из всех присутствующих шкиперов, – и с места поднялся худощавый степенный и уже пожилой мужчина. По его морщинистому и обветренному лицу можно было предположить, что он провёл в море гораздо больше времени, чем на берегу. Лицо его было скуластое и вытянутое, а нос с горбинкой придавали весьма харизматичное и суровое выражение.

– Дитрих, капитан когга под названием «Ente» – «Утка».

На вид второй представленный капитан был полной противоположностью первому. Немолодой, но крепкий боровичок с маленькими глазками на весьма добродушном и круглом лице. Поднявшись, он улыбнулся и окинул присутствующих спокойным и уверенным взглядом. Крепкие руки и такое же обветренное, как у первого капитана, лицо говорило само о его профессиональной принадлежности. Впрочем, это касалось и всех присутствующих здесь моряков. Так сказать, это была их «визитная карточка».

Третьим и четвёртым капитаном были, соответственно, Курт и Зигфрид с «Barsch» – «Окуня» и «Wai» – «Кита». Эти капитаны были моложе первых двух и были похожи друг на друга. Впрочем, они действительно были родными братьями. Отец, в прошлом известный капитан Вальдемар Краузе, передал им по наследству своё дело вместе с крепкими коггами, а заодно с ними и горячую любовь к морю. И теперь высокие светловолосые и скуластые здоровяки с русыми бородками горели горячим желанием посчитаться за отца с датчанами, утопившими старшего Краузе вместе со всей его командой под островом Рюгеном ещё прошлым летом.

Последним представленным был русский.

– Перед вами, братцы, Радята Щукарь, – и по избе прокатился шёпот, все зашевелились и вытянули шеи, рассматривая представленного. Имя знаменитого новгородского ушкуйника, совершавшего дерзкие и стремительные рейды со своей командой по восточной Балтике, было у всех на слуху. Более года о нем, правда, ничего не было слышно, и поговаривали даже, что он со своей командой погиб где-то в очередной отчаянной схватке под шведским Эландом. Но вот же, живой и здравствующий он стоял в избе перед всеми и иронично так шурился.

– Да, именно он, братцы, и пойдёт с нами в плаванье. У него тоже есть свои личные счёты к датской короне, и кому, как не ему знать все трудности и опасности в Варяжском море и все способы как их преодолеть.

– Ну, всё, Андрей Иванович, «со своими» я всех познакомил, продолжай теперь уже ты. Сотник обвёл всех присутствующих взглядом и продолжил совет.

– Что ж, господа присутствующие, у нас есть ещё пара недель до выхода в море, и ближе мы все познакомимся ещё успеем. А пока выслушайте общую картину и затем, как у нас тут принято, будем её уже дополнять все вместе по частям.

– Что мы имеем? А имеем мы труднейшую и практически невыполнимую задачу – прорваться через Ладогу и Неву в Вотский (Финский) залив и через него уже выйти далее на Балтику. Затем же пройти по открытому морю, около 1300 вёрст и высадиться на немецком берегу в Голштейнских землях, где-то между приморскими городами Любек, Росток или Киль. Почему считаю эту задачу невыполнимой? А всё потому, что датчане далеко не дураки и ждут нас, напрочь заперев Вотский залив в самом удобном для этого месте, в зауженной его части,

около самого устья реки Невы. Да и дальше, на Варяжском море, как нам уже донесли, рыщут весьма солидные силы их флота. Именно поэтому мне и представляется невыполнимой задача по силовому прорыву на Балтику. Всё остальное, думаю, будет гораздо проще. Но как решить эту головоломку... Хм... – и Сотник покачал в сомнении головой.

– Тебя, старшой, гляжу совсем эти даны, запугали! – раздался с противоположного конца стола ехидный и насмешливый голос.

В избе сразу повисла тяжёлая и натянутая пауза.

– С таким-то настроением да супротив врага никакого антираза нет ратиться! Лучше сразу лапки сложить и сидеть, вообще не выходя с Волхова. Ещё и дружиною зовутся! – продолжал буквально издеваться над командиром старшина ушкуйников Радята.

После последней фразы за столом началось опасное шевеление, и Андрей понял: «Ещё чуть-чуть, и Щукарю будет очень плохо. И это «плохо» начнётся прямо здесь и сейчас, далеко не выходя от стола, если, конечно, срочно всё не пресечь.»

– Стоять! Тихо все! – рявкнул командир яростно, и всё снова стало тихо, лишь осязаемое чувство опасности вибрировала в избе, словно натянутая струна.

И уже другим елеинно медовым голосом, от которого у всех знающих Сотника пошёл лёгкий озноб по спине, Андрей обратился к нахалу.

– Уважаемый воитель солёных морей и побережий всего варяжского моря, Радята, простите уж, по-батюшке не знаю, как Вас величать...

– Ивановичи мы! – важно надулся и откинулся назад в вальяжной позе ушкуйник.

– Радята Иванович. Вы, к сожалению, сейчас не дослушали меня, невежественно перебив. От того-то между нами и возникло тут некоторое недопонимание. Волею высшего Господнего совета Новгорода, меня поставили старшим в этом походе. Поэтому попрошу, уважаемый, вас впредь меня не перебивать, ибо у меня всё равно есть привычка выслушивать всегда всех, кто только хочет выступить со своим любым словом, советом, или каким предложением. В противном же случае, если вы всё же не внемлите этой моей настойчивой просьбе, то вы можете сразу же отправиться туда, куда только сами посчитаете нужным, но уже, к сожалению, не с нами. И тогда, в этом случае как-нибудь уж там сами объясняйтесь с высшей властью Батюшки Новгорода. Мне же, повторюсь, порошу впредь на совете не мешать! А сейчас, с вашего разрешения, я всё же, пожалуй, продолжу.

Выслушав всё сказанное со снисходительным видом и неопределённо хмыкнув, Радята только кивнул головой, показывая, что здесь у него так то авторитетов нет, а насчёт «продолжить»...ну...он, в общем-то, не против.

«Нда... Придётся обламывать «ерша», иначе общего дела с ним не будет,» – подумал Сотник и продолжил совет.

– Итак, я сказал, что считаю прорыв на Балтику нашими силами невозможным, ибо, сколько бы мы их эти силы не выставили, датчане всё равно подтянут их гораздо больше, опираясь как на свои рейдующие морем отряды, так и на тот флот, что стоит сейчас в готовности в Эстляндских гаванях. В любом случае нас задавят, пустят кровь и дальнейшего хода по морю уже не дадут. Но у нас главная задача не схлестнуться в морской баталии, а добраться без потерь в германские земли и уже там встать со своим знаменем в ряды союзников. Вот отсюда и нужно исходить и придумать, как и что нам лучше сделать. Предлагаю все свои задумки изложить на очередном совещании через три дня. Карту Вотского залива и всей Балтики вы можете посмотреть тут, эта изба отныне и будет у нас штабной.

– А по мне, так всё равно на море с данами схлестнуться придётся. Хоть думай, хоть не думай, всё одно – воевать, – опять встрял Щукарь и, заметив на себе десятки колючих взглядов, передёрнул плечами, – Да ладно, чё уж, говори дальше старшой, не мешаю...

– Спасибо, – усмехнулся Сотник, – Давайте по очевидным местам пройдемся, коль пока у нас нет определённости в дальнем плавании. И так, какие силы мы имеем? Четыре больших

морских кога. Два ладейных дозорных судна бригады, что как по реке, так и по морю быстро ходить могут. Плюс три ушкуя Радяты Ивановича Щукаря нужно будет сюда же прибавить. Из бригады в плаванье пойдут пять с половиной сотен. Ещё пять десятков ладейной команды под командованием прапорщика Бояна, – и из-за стола привстал главный шкипер Андреевцев.

– Пять десятков судовой рати под командованием прапорщика Молчана, – и все перевели взгляд наглавного «абордажника» бригады. Пластунская полусотня разведки прапорщика Севастьяна. Две сводные сотни из бережного и дозорного эскадронов под командованием поручика Тимофея. И последнее... Сотня курсантов третьего курса нашей воинской школы под командованием начальника воинской школы, поручика Кочета. По личному составу, участвующему в плаваньи пока всё. Есть у кого-то вопросы? – и комбриг обвёл глазами совет.

– Да, господин майор, есть, разрешите! – и с места поднялся Василий Андреевич, командир дозорного эскадрона. Статный, похожий на Сотника мужчина с такими же светлыми волосами и умными голубыми глазами. На плечах куртки у него виднелись погоны поручика, а офицерские георгиевские и владимирские кресты да планки за ранения показывали, что перед советом стоит доблестный воин.

– Всего у нас собирается девять с половиной сотен вместе с курсантами. В плаванье идут пять с половиной. Возникает вопрос по оставшимся четырём сотням, не идущим в плаванье. Неужели же им придётся домой возвращаться и ждать там своих боевых товарищей?

– Хм... С математикой у вас всё в порядке, поручик, – улыбнулся Сотник, – Отвечаю. В предстоящем деле будет участвовать вся наша бригада за исключением, разве что, крепостного да сторожевого взвода, ведущих оборону и дозор в самом поместье и вокруг него. Ну и, разумеется, младших курсов воинской школы. Ибо рано им ещё воевать, дети считай. Для всех же остальных у нас дело найдётся. Так что, не волнуйтесь. Как только для этого наступит подходящее время, я до вас всё сполна доведу.

– Давайте пока послушаем начальника тыла Лавра Буриславовича, как у нас по его части дело обстоит, и во всём ли сейчас порядок с обеспечением бригады.

Общий доклад тылового начальника занял весьма продолжительное время, и из него стало ясно, что средства для похода по питанию, амуниции, вооружению и всему тому громадьё мелочей, которые нужны для нормальной жизни большого воинского подразделения, выделены новгородской властью в полном объёме. Требуют они, конечно, дополнительной проверки по месту, и к ней, с помощью выделенных Путятёй Селяновичем сведущих людей, он со своими тыловиками и приступит уже поутру.

На что Путята тут же заверил, что проблем с этим не будет и его приказчики с рассветом откроют все склады, амбары и сараи и, разумеется, во всём Андреевским помогут.

– По оружию, амуниции и воинскому снаряжению проблем нет. У каждого есть все, что ему положено, начиная от огнива, ложек, котелков, иголок да ниток, двух сменных комплектов формы и сапог, и заканчивая кольчугами, бронёй, мечами, пиками, саблями, ножами и кинжалами, самострелами, шлемами и прочим, прочим, прочим, что должно быть в дальнем походе у воина. Всё это было не раз уже проверено-перепроверено на многочисленных воинских смотрах, как своими строевыми командирами, так и самим Буриславовичем, да и всем руководством бригады. Да вы и сами всё знаете, Андрей Иванович. Перед отходом из усадьбы итоговый смотр провели и все выявленные на нём замечания мы давно уже устранили.

– По самому важному, а именно оружию дальнего боя мы имеем восемь больших стреломётов для установки на морские суда. 122 самых совершенных самострела речной перезарядки, двести пять «козьей ножкой» и остальные сто тридцать из того более простого типа, что мы называем «Самсонами» с перезарядкой типа «Самсонов пояс». Плюс, конечно, каждый воин имеет свой личный лук да ещё по паре метательных дротиков-сулиц.

Оружью дальнего боя в бригаде традиционно уделялось особое внимание. Но самые совершенные самострелы «речного типа» с плечами и дугами из элитной булатной стали,

способные послать свой болт за 400 метров, и, пробивая при этом любую броню, были крайне дороги и сложны в производстве. И как не бился главный оружейник усадьбы дед Кузьма, а вооружить их всеми пока не удавалось. Вот и шли в бой Андреевцы с разномастным оружием, пусть и усовершенствованным да подогнанным под каждого стрелка.

Дальше на совещании обсудили рабочие вопросы и, уже заканчивая его, Сотник подвёл итог:

– Выход планирую на второе июля. Оставшиеся до него четырнадцать дён использовать для определения всего того личного состава, кто идёт морем, а кто остаётся тут. Имейте ввиду, что к нам будут постоянно подходить по суше и реке наши воины, не успевшие по команде «срочный сбор» прибыть из отпусков. Так что, занимаемся на месте комплектованием команд и их «боевым слаживанием». Остающимся, приказываю нести дозорную службу и готовить коней к большому переходу. Уходящим в море, приступить к тренировкам в судовых командах и особеннов подготовке к абордажному бою. Варун Фотич, Боян Ферাপонтович и вы, Радята Иванович, приступайте завтра же к разведке Невы и самого Вотского залива. Нам нужно знать, есть ли скрытные береговые посты там, у датчан, на нашем пути. И хотя бы примерное расположение морских заслонов и патрульных групп врага в этом заливе. Всё это нужно делать скрытно, чтобы, не дай Бог, не насторожить раньше времени противника.

– Да ладно, старшой, не учи учёных, уж я-то всё в этом деле и так знаю, – с ехидной усмешкой, прищурясь, выговорил Шукарь. Раскомандовались тут больно сухопутные!

– Ну-ну... – улыбнулся Сотник и положил свою руку на сжатую в кулак и аж побелевшую от напряжения руку Варуна, – Спокойно, Фотич, человек знает, похоже, что говорит. Он же не сухопутный как мы, а знаменитый морской волк. На этом совещание считаю закрытым. Отдыхайте, господа! Попрошу только остаться начальника разведки.

– Андрей! Я тебя не понимаю, ты почто при всех хвост не выщиплешь у этого петуха прилюдно!?! – возмущённо воскликнул разъярённый Варун, – Да он же всё совещание над тобой издевался! Ну не хочешь сам – так дай я его проучу, гадёныша. Ишь, знаменитый ушкуйник тут выискался, да мои ребята или же абордажники Молчана любое его корыто с командой на лоскуты порвут! Ты нам только скажи!

– Стоп, стоп, друг! Охлони немного! – поднял руки вверх Сотник, – Ну что ты так разволновался-то?

– Никто из вас не смеет трогать пока этих ершей. Вот вам и задание на устойчивость, сможете сдержаться или нет с ними. И всем своим подчинённым передай по большо-ому такому секрету. Это вот, чтобы побыстрее до всех долетело и дошло, – и Андрей улыбнулся, – Что, дескать, тут такая проверка у командира над всеми ними, а то, и правда, кончат в тихую ушкуйников, и даже следов самых петушастых из них мы уже не найдём. Они нужны нам очень, друг. Поверь. С их-то опытом рейдов на Балтике. Да с их отчаянным гонором и готовностью драться с любым врагом. Повторяюсь, они нам очень нужны! Будет для них у меня серьёзное дело. А насчёт проучить и поставить Шукаря на место... Хм... – Сотник усмехнулся... – Всё будет! Ты главное не волнуйся! – и толкнул легонько Варуна плечом. Я что тебя оставил-то, Фотич. Помнишь, я давал поручение Путяте поболее вызнать про двух новгородских купцов: суконщике Жидиславе Супеече и Остромире оружейнике? Ладно, с Остромиром-то покончено. За его сговор с датчанами и попытку навредить Новгороду, рассорив с Ганзейским союзом, он своё уже получил. Приговор был суровым, но справедливым, как бы он там не пытался выкрутиться. И, небось, теперь ему там жарко в самой преисподней. А вот со вторым злодеем всё совсем непросто. И ведь не зря за ним приглядывали всё это время. Я ещё два года назад попросил Путяту приставить к нему надёжных и сметливых людей, чтобы ходили да слушали, чем занимается сей подозрительный купчина, и кто возле него там рядом вьётся. Вот и о прошлом годе, не зря же всё лето уже теперь наше звено разведчиков помогало Путятским соглядаяем в их непростом деле. Да к тому же заодно ребята вызнали кое-что по его усадьбе, по пристаням да

лавкам на торгу, а главное по тем людям, с кем он своё знакомство водит, и по всем прочим людям, с кем он сам видится или же его личные подручные. Да ты и сам всё это знаешь. Так вот, пришло время нам с ним заканчивать, Фотич. На нём и так много крови было, когда он на торговые караваны ватагу Свири Кривого наводил, а потом ещё с них же гад, и наживался. Так ещё как мы с тобой и подозревали, после кончины Остромира также, как и он, этот паук, на скользкий путь предательства встал. Не зря они до этого с ним подельничали и делились вестями о купцах да, о том, что, когда и куда повезут.

– Так знамо дело! – воскликнул Варун, – Один купец суконщик через свои лавки сбывал награбленный шёлк да всякие ткани, другому купцу по оружию и металлу было удобней своим знакомым товаром торговать, вот и делились с друг дружкой для своей же личной выгоды. Видать, и с данами Остромир Жидислава познакомил не зря. Те давно поставляют сукно из Фландрии на наш Новгородский торг и ещё дальше. Вот и взяли на заметку не чистого на руку купца, готового за серебро и золото через кровь переступить и свою душу продать. А как Остромира не стало, так притихли немного, а затем уже и с этим Жидиславом «снюхались». С кем-то из местных «ушлых» им же всё равно нужно было свои тёмные дела делать?!

– Точно, Фотич! Ты всё верно говоришь. Глаз да глаз датчанам за Новгородом постоянно нужен. Мы ведь у них как кость в горле торчим, мешаемся тут на востоке с их имперскими амбициями... ну-у, вернее... с их заносчивостью и стремлению ко всеобщей власти на севере всей Европы, значит. А тут ещё и этот наш союз с их извечным врагом Ганзой. Вот отсюда и это стремление всё вызнать да помешать нам, где только будет возможно. Правда сейчас, после того как Гарольд Волосатый так неудачно подставил своего короля во время того разбоя в наших внутренних водах, датчанам напрямую путь сюда ужестал закрыт. Но по всему видно, что они пока не успокоились и действуют теперь весьма хитрее и уже через своего верного союзника – Вельфов. Не зря же все дела в последние два года через них делаются. Не-ет, неспроста у них такая любовь с Супеечем. Тут дело не только торговлей, но и изменой опять пахнет. Не зря вёрткие людишки Остромира по всем местным пристаням да на торгу с конца половодья вертятся, и все сведенья о боевых дружинах или проходящих судах, в особенности же, о морских собирают. Да и пара быстроходных ладей неспроста у него на пристани дежурит. В полной готовности стоят, и, что характерно, без груза, но зато при полной команде. Мыслю я, их задача по надобности быстрее нужную весть до датчан донести. Вот и не грузятся они, чтобы только у них быстрее ход был. Всё продумал злодей. Ну да недолго ему осталось уже. Через три дня на самой быстрой ладье мы с твоим самым лучшим десятком пластунов убываем в Новгород. Там нас уже ждут те две пятёрки с Саватеем и Родькой, что мы тамоставили втихую, проходя рекой через город. Вот все вместе там и раздавим это змеиное гнездо.

– Это для этого ты Парфёна взял? – кивнул понимающе Варун.

– Да, Фотич. Я ему ещё тогда, когда на управляющего уговаривал идти, пообещал, что рассчитаюсь за него с Жидиславом за весь оставшийся у него долг. Васильевич ведь до сих пор не знает, что злодей его умышленно под убой вместе со всей семьёй подставил. И товаром на тридцать гривен завладел, и всем тем имуществом Новгородским, какое только у того было, в уплату его прошлого долга. Да ещё и десять гривен непокрытого займа на заведомо умученном человеке оставил. И ведь знал мерзавец, что в разоряемом ватагой Свири караване вся семья Парфёна из Владимира Суздальского возвращаться будет, с женою да с малыши детками. Это ж кем надо быть! Он ведь их задолго всех лично знал, улыбался, небось, за одним столом сидячи, с детками его играл! Они же купцами сотоварищами, и как бы приятелями по общим торговым делам были! Воистину, необъятен омут в душе этого человека! Хочу я, Варун Фотич, чтобы наш Парфён сам точку во всём этом зле поставил. Ему и самому ведь тогда легче жить станет, да и справедливо это. Хотя и говорят, что месть грех, но тут, я думаю – то по правде будет?

– То по правде будет, командир, – медленно кивнул головой друг, – Всё правильно ты задумал, Андрей...

Со следующего утра, как и было определено на ночном совете, сводные сотни, уходящие в морской поход, приступили к изучению особенностей судового и абордажного боя на ганзейских коггах. Все бойцы, разумеется, уже десятки раз прошли всё это на своём родном озере в Андреевском. Но там-то у них были привычные речные ладьи, а в этом затоне стояли огромные бочкообразные морские суда. Всё на них было сейчас в новинку, поэтому и требовалось для обучения время и ведра пота. Но трудностями «бригадных» было не испугать, так что шум, гвалт и ругань стояли теперь в затоне изрядные.

Нешадно палило солнце. Одна команда на коггах меняла другую, пока взмыленные бойцы валились в теньке у пристани на короткий отдых. В одну из таких пауз-пересменок, лежащие и загорающие без дела на солнышке ушкуйники Щукаря, видно, хорошо принявшие с утра хмельного «на грудь», совсем уже распоясались и начали отпускать слишком грязные шутки по поводу «вот этих вот неумелых лягух из сухопутных». Андреевцы-то и так на этих любопытных бездельников злым волком смотрели, а тут уже, видно, им совсем не вмоготу стало. И в сторону ушкуйников отправилось сразу трое: два Ивана из дозорного эскадрона, да рыжий Фрол из судовой рати прапорщика Молчана. Ребята все были резкие, и драки, по всему, уже было не избежать.

– Стоять! Доложите своим командирам, голуби мои сизокрылые, что проверку на устойчивость вы не прошли. Пусть теперь старшие сами придумают, чем бы эту вашу неумную энергию теперича занять! Ну, или я им сам подскажу, если у них самих там фантазия вдруг закончилась, – с коварной усмешкой выговорил неизвестно как оказавшийся у пристани комбриг, – К своим командам кругом марш!

И трое бойцов, синхронно развернувшись, рванули быстрее прочь.

– Значит, от безделья устали маяться, пахари солёных просторов? Нажрались уже с утра тут бражки, гляжу. Небось, и на баб теперь потянуло, со скуки-то? – спокойно так спросил «Щукарей» Сотник.

– А ты кто такой, чтобы издеваться над прославленной морской дружиной-то!? Да мы если захотим, то всех, кого хошь, порвём тут скопом! – вскочив с места, орал высокий жилистый мужик с большой серьгой в ухе и длинным смоляным чубом.

– Ну, прям цыган, какой, – подумал Андрей, – И откуда, только такие среди белобрыхых и голубоглазых северян тут встречаются? Загадка генетики, однако, ... А у тебя папа не из сарацын чаем был, а чубарёк? – подмигнул крикливому Андрей.

И тот аж поперхнулся от неожиданности.

– Ты это, почто моих тута задираешь то, а...?! – от ближайшего костерка вразвалочку, словно нехотя, вставал сам атаман ушкуйников Радята, – Не командир ты им, так что не замай моих! А то!

– А то что? – не дав договорить атаману, перебил его Сотник, – Мы только вчера на совете договорились с тобой, что ты мне мешать не будешь! И что вы разведку Невы и залива начнёте незамедлительно! А вы сами вместо этого не просто тут бездельничаете да бражничаете, так ещё с пьяных глаз над моими людьми умудряетесь издеваться! Так вот, пошли-ка мы с тобой вон туда, на самую дальнюю полянку. И как раз вот там ты мне одному с глазу на глаз всё и расскажешь, имею ли я вообще право с твоих людей за дело спрашивать, и чем ты там ещё мне хотел грозить.

– Всем оставаться на месте! Только мы, двое!

После этих слов у обширной пристани с сотнями, находящимися на ней мужчин, вдруг стало оглушительно тихо. Инстинктивно сотни рук потянулись к оружию и все напряглись в ожидании неизбежной развязки.

Нехорошая была эта тишина!

– А пошли! Думал, я испугаюсь? – оглянувшись, с вызовом выкрикнул Щукарь и поднялся, захватывая с собой круглый щит с секирой.

Сотник усмехнулся и на глазах у всех отстегнул оба меча с боевого пояса, прислонив их аккуратно к пеньку.

– А я вот так пойду, дружинный! – выкрикнул с насмешкой атаман и сплюнул на землю.

– Ну, так ты ещё копье с шестопёром с собою прихвати. Всё не так страшно то идти будет, – усмехнулся Сотник и зашагал, не оборачиваясь, в сторону указанной им дальней полянки.

Радята при последних словах Андрея как-то так зло ощерился, постоял, подумал, затем положил на землю щит, а сверху уже на него секиру и отстёгнутый с пояса меч.

– Надо будет, и кинжалом его возьму! – уверенно заявил он своим, и пружинной походкой отправился догонять Андрея.

Длинный, жаркий день подходил уже к концу. Наступающий летний вечер был готов дать прохладу и отдых от выматывающего всё живое дневного зноя. Птицы начинали щебетать с новой силой, порхая по веткам кустов и деревьев. Труженицы пчёлы беспрестанно гудели, перелетая с одного цветка на другой. Два человека, оставляя за собой примятые дорожки в густом разнотравье, вышли на середину лесной поляны.

– Ну что, старшой, на ножичках никак решил со мной потягаться? – ухмыльнулся Щукарь и вытащил из ножен большой широкий кинжал, эдакий полу меч, резко взмахнув им в воздухе. В левой руке обратным хватом у него был зажат кривой кинжал восточного типа, больше похожий на ятаган.

– Ну ты, конечно, грозен, Шурёнок, – усмехнулся Сотник, – Много чести для тебя доставать боевое железо. Я тебя по-отечески сейчас, барбос, тут повоспитываю. Видно, тятенька недопорол в своё время да к вежеству и почтительности не успел приучить своего шалопаю! Вот ты и вознесся, негодник сверх меры. Как же, гроза, блин, местных болот и грязных луж!

Взъярённый таким открытым над ним издевательством Радяна стремительно кинулся вперёд, желая одним резким броском покончить с этим самонадеянным дружинником. Он не раз вступал в яростные битвы в своих дерзких рейдах, как на шатких палубах кораблей, так и на самом берегу, и в его движениях сквозила полная уверенность и точный расчёт. Резкий рубленый удар справа в локоть противника, если и не доставал его, то уж в любом случае заставлял уходить в противоположную сторону, где того уже ждал коварный, рассекающий шею, встречный хлёт кривого ятагана.

Правый бок пронзило резкой болью, до такой степени нестерпимой, что захотелось быстрее вжаться в землю, свернувшись, и просто пытаться хотя бы тихонько дышать. Потому что на самом деле, дышать сейчас было нереально трудно!

Ошибка многих опытных воинов заключалась в шаблонном использовании наработанных долгими годами практик и привычек ведения поединка. Одна, две, три, ну пусть пять работающих и удачных боевых связок давали им абсолютную уверенность в себе и не заставляли уже относиться к самому бою как к искусству. Скорее, для них это уже становилось привычной и обыденной работой. Вот как раз это-то и лишало такого бойца искры творчества, загоняя его словно бы в рамки.

– Нет, дружок, художником тебе не быть! – подумал Сотник, мгновенно «прочитав» всю боевую связку, а с ней и саму манеру ведения боя атамана.

От косого удара полумеча атамана – уход нырком с полуразворотом.левой рукой одновременно с этим тихонько толчком блокируем плечо, не давая ударить обратно, а правой рукой пробиваем резко в печёнку, благо, она как раз сейчас идеально для этого открыта. Вот так! На!..Знаю... Очень больно, ну простоо-очень!

Всё это, конечно, делалось быстро и на одних рефлексах, только искры-мысли едва успевали за движениями тела.

– Какой молодец, всё-таки, а!

Почти без сознания, одной ногой уже в нокауте, а своим кривым ятаганом так и пытается зацепить, закончить своё атакующее движение. Вот, что значит, Боец!

– Нет-нет... Железки теперь на землю, и дышим, дышим, просто учимся сейчас заново дышать.

Сотник выбил кинжалы, отпихнул их в сторону и присел в паре метров от постанывающего и согнувшегося в поясе противника.

Минут через пять-семь, морской бродяга задышал ровнее, а ещё через три-четыре, выпрямился и в упор уставился на Андрея.

– Ах, ты ж гадёныш шустрый!

Резкий прыжок Радяты он почти что «прозевал», и атаман, выдернув на лету засопожник, ударил им точно в то место, где буквально мгновение назад сидел Сотник.

Уйдя кувырком в бок и вскочив на ноги, Андрей раскачивался, делая мелкие шажки из стороны в сторону змейкой. Что там, на уме у ушкуйника? Ещё сподвигнет его просветление метнуть нож, вот и «довыпендриваюсь» тогда, – мелькнула в голове мысль, и он продолжил «качать маятник».

Заинтересованно понаблюдав на странные движения Сотника, Радята не решился-таки оставаться без своего последнего оружия, и атаковал противника, сделав резкий укол ножом в его грудь.

А вот тут уже работает связка Андрея. Передний блок обоими руками с отводом ножа вперёд, куда он и сам так-то хочет идти по инерции, да с проворотом вокруг своей оси «по часовой», удар каблуком сапожек сверху в стопу...! Так положено, не морщимся тут, нас так учили! Правая рука основанием ладони бьёт резко в запястье... Всё верно... Нож улетает далеко в сторону. А вот теперь... Н-на!..И Андрей от души «дал леща» в правое ухо Щукарю.

– Я тебе говорил, что я теперь тебя за твоего тятю воспитывать буду!?! Н-на-а! – ещё в другое ухо с размаха! – Четыре десятка, опорось, уже поди, разменял?! А всё дурью маешься, Радятка! Н-на-а опять леща! А ну-ка иди сюда, гадёныш!

Всё перемешалось в голове у Радяты. Никогда с ним не было такого. Даже в самой лютой и безнадёжной сече он ни разу не терял присутствия духа. А тут в голове у него стоял сплошной колокольный звон, и сквозь него в помутнённое сознание проникал крик его отца!

– Ты почто старших не уважаешь, Радятка! Ты почто бражничаешь целый день, щенок! Почто ругаешься, окоёмник, бранными словами!

«Бах, бах, бах!» – сыпались звонкие удары оплеух и затрецин... Именно затрецин, хлёстких и ошеломляющих. Были бы удары кулаком – понятно. С кровью, с болью и с осколками зубов, пришла бы к нему боевая ярость, и он бы сцепился с любым соперником не на жизнь, а на смерть. Но это, это было что-то другое, словно из далёкого и давно позабытого детства. Так его когда-то воспитывал только лишь его тятя, уже более четверти века назад, когда он ещё был шибутным да бедовым мальчишкой. Проказничал и бедокурил Радятка стабильно, за что и получал часто суровое отцовское воспитание.

Щукарь вдруг глухо всхлипнул и, сев на землю, сложил на коленях и локтях голову.

– За дело всё, за дело, батька! Секи, сколько надо, виноват я!

– Хм, – Сотник покачался, стоя на носках, и сел рядышком с ушкуйником. Ну ладно, ладно, Радят, всё-всё... Закончили. Ну не буду уж больше шпынять. Ты охолони тут малясь. Просто сам меня пойми, ну как мне было тебя по-другому-то встряхнуть, ты же упёртый какой – не прошибёшь!

Щукарь, помолчав, поднял голову и глубоко вздохнул:

– Как по отчеству-то тебя, командир?

– Иванович я, – ответил Сотник.

– Выходит, что оба у нас бати Иванами были. Ну, так не ты-то меня воспитывал сейчас, старшой, не ты. Вот как наяву всё это было. Отца я видел, Сотник, тут, вот как тебя сейчас, и слышал прямо здесь, вот на этой самой поляне. Словно морок какой-то нашёл! И голос его, и затрещины прямо такие же, что он мне когда-то давал! Всё его! Даже ругался батя, Царствие ему небесное, как когда-то по молодости, когда я набедокурую чего. Как такое может быть то, Иванович? – и он пытливо посмотрел на Андрея.

Что тут можно было сказать человеку? Что у него от кратковременной потери сознания при первом нокаутирующем ударе и от последующих затрещин разум вдруг помутился, и что-то там ему привиделось затем? А, может, что это его совесть, которая всё равно в нём есть, живой ведь человек-то, хоть и задавленная она, да спрятанная до поры до времени, но пробудилась, и за своё взялась? Сам ведь точного ответа не знаю, – подумал Сотник. А... пусть всё идёт как есть!

– Не знаю я, Радят, – только и ответил атаману Андрей, – Видать, не пропащий ты человек, коли твой тятя тебя не оставляет, и порой помогает в разум войти.

– Вот и я так думаю, что неспроста я тут тятю видел. Видать, это знак мне такой был. Ведь если рассудить здраво, то всё верно ты мне говорил и про поход, и про то, что польза от него всем русским, а стало быть, и нашим новгородским землям. И о войске своём вон как печёшься, готовишь к походу его. Это всё я, баламут, тебе тут порчу вместо того, чтобы добрым делом для общей же пользы заняться! – и, словно сбрасывая с себя тяжесть, Радята вскочил на ноги и повернулся к Сотнику.

Андрей тоже на рефлексах был уже в верхней стойке.

– Прости, командир, за поведенье своё недостойное. За гордыню и худые слова мои. За то, что боевое железо против тебя безоружного поднял и не сразу понял всего того, что ты мне сказать хотел. Спасибо за науку твою, словно завеса-наваждение с меня спала какая-то. Ты для меня теперь атаман, что прикажешь, то и буду делать. Ибо знак мне был свыше дан. А Бог даст, с победой коли вернёмся, заложу я храм святого Иоанна в честь отца в своём родном ладожском селище. Вот тогда-то и ладно всё будет. И просветлевший лицом Радята открыто посмотрел в глаза Сотнику.

– Договорились, друг! – и мужчины крепко обнялись.

Через пять минут на пристань, замершую в немом молчании, вышли два увлечённо беседующих человека. Было видно, что эти близкие по духу люди обсуждают какое-то общее для них дело. Один, правда, при этом слегка прихрамывал, да растирал горящие ярким огнём припухшие словно пельмени уши.

– Дела-а...

Открывая назначенный ранее совет, Сотник, обвёл взглядом штабную избу. Все, как и в первый раз, занимали свои места. Вот за столом, что-то чиркая в пергаменте, сидит начальник штаба Филат Савельевич. Первый заместитель комбрига Климент Петрович тихонько шепчет на ухо начальнику разведки Варуну, а тот только при этом хмурится да машет, как и всегда, недовольноголовой. Ганзейцы сидят по лавкам чинно и ровно, ожидая начала совета. Сидящий рядом с ними Радята Иванович тоже непривычно спокоен и сосредоточен. Вот в избу заскочил запыхавшийся от запыленной суеты сборов заместитель по тылу Лавр Буриславович, и Андрей начал совет.

Первыми на нём заслушали строевых командиров, доложивших о положении дел в своих командах и об итогах тренировок в затоне.

Затем начальника тыла и штаба бригады. Доложивших о прибытии и постановке на довольствие уже более восьми сотен бойцов. Ещё около полутора сотни воинов, с их слов, должны были подойти в ближайшую седмицу, подтягиваясь из всех дальних концов на сбор по тревоге.

Командир степной сотни Азат Хайдарович доложил, хмурясь, что с лошадьми пока у них совсем беда, из усадьбы да с отпускатниками пригнали их только три сотни, да ещё табун в пару сотен голов вот-вот уже на подходе. И собрать верховых лошадей в тысячу голов, как и было приказано на этой седмице, будет просто не реально. Да даже если бы и собрали, то им, как минимум, ещё дней пять потребуется, чтобы, как положено, отдохнуть с дальнего перехода да откормиться на свободных выпасах.

Сотник нахмурился и покачал головой. И все с недоумением на него посмотрели. Никто пока не понимал смысла собирать такое большое количества лошадей в том месте, где, в общем-то, сейчас готовился морской поход.

Разведка доложила о том, что дозорная ладья с «карельским» взводом под командованием Онни уже третий день как ушла к Неве и, наверное, парни уже приступают там к своей работе.

Щукарь от себя добавил, что и два его дозорных ушкуя уже сутки как выдвинулись на максимальной скорости к Вотскому заливу для начала морской разведки, а к нему вскоре подойдут ещё пара из Новгорода и общее их количество тогда составит пять с полтора сотнями команды.

В общем, всё было по плану, и Андрей решил, что пора уже приступать к тому главному, для чего, собственно, они сегодня все и собрались, а именно – разработать план прорыва в Вотский залив с реки Невы и всего того, что затем должно было последовать.

Предложений и проектов по прорыву в море было много, так же как и разгоревшихся за ними споров и горячих обсуждений. Все сходились к тому, что действовать нужно ночью и желательно в самую ненастную погоду, а в идеале, так ещё и при попутном ветре вообще. При невозможности проскочить незаметно, когдa необходимо было бы прорываться в открытое море, а вёртким ладьям да ушкаям попытаться связать боем датчан и, как можно сильнее, отвлечь их от тяжёлых морских судов новгородцев. Все понимали, что шансов на успех было действительно очень мало, слишком большим, просто подавляющим преимуществом на море обладал сейчас их противник. Даже отчаянный атаман ушкуйников Радята Щукарь задумчиво хмурился и покачивал как-то недовольно головой. Ганзейские же шкиперы и вовсе, все, померив своими пальцами на расстеленной карте, о чём-то затем пошептавшись, выдали заключение, что всё здесь бесполезно, и в поход сейчас идти просто бессмысленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.